

X 50

1904 г. 22 февраля. № 8.

ВѢСТНИКЪ по КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Часть официальная.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВЕОДОРОВНЫ Главному Управленію Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Не смотря на безконечное свое миролюбіе, не смотря на всё мѣры, по великодушному почину Монарха принятыя Русскимъ Правительствомъ въ цѣляхъ сохраненія мира, Россія вовлечена въ войну, и первый ударъ былъ нанесенъ необъявившимъ даже войны врагомъ.

Смиряясь предъ неисповѣдимыми путями Промысла Божьяго, Россія, какъ одинъ человекъ, понесетъ все—жизнь, силы, средства—на служеніе Царю, на защиту Родины.

На долю состоящаго подъ Моимъ Покровительствомъ Россійскаго Общества Краснаго Креста выпадаетъ забота объ облегченіи страданій раненыхъ, и выполнение этого св. долга Я возлагаю на Главное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста и на всё его учрежденія.

Великая идея добровольной помощи жертвамъ боя со стороны тѣхъ, кто лишенъ возможности сражаться за Родину, всегда находила живой откликъ въ русскихъ сердцахъ.

Въ неразрывномъ единеніи молитвъ, помысловъ и пожеланій съ возлюбленною Невѣсткою Моею, Императрицею Александрою Феодоровною, раздѣляющею со Мною любвеобильнымъ сердцемъ одушевляющія Меня чувства, призывая русскихъ людей къ подвигу человеколюбія, Я твердо увѣрена, что вся Россія чутко откликнется на настояшій Мой призывъ во имя христіанской помощи и подъ знаменемъ Краснаго Креста понесетъ свои силы и достатки на дѣло помощи ближнему.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, но и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, встрѣчая грядущія событія, молю Бога, да благословитъ Онъ труды и жертвы всѣхъ и каждаго на помощь пострадавшимъ воинамъ и на великое дѣло человеколюбія.

На подлинномъ собственной Ея Императорскаго Величества рукою написано: „МАРІЯ“.

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О предоставленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшать собственною властью отводъ подворныхъ участковъ крестьянской надѣльной земли подъ устройство кладбищъ.

По рассмотрѣніи представленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о разрѣшеніи нѣкоторымъ владѣльцамъ Гродненской губерніи уступить участки ихъ надѣльныхъ земель подъ устройство сельскихъ кладбищъ, Комитетъ Министровъ полагалъ: испросить Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества на предоставленіе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію въ подлежащихъ случаяхъ съ Министромъ Финансовъ, разрѣшать собственною властью отводъ безвозмездно, или за уплату, надѣльныхъ земель изъ подворно-наслѣдственнаго пользованія подъ устройство новыхъ и расширеніе существующихъ кладбищъ.

Государь Императоръ въ 18-й день ноября 1903 года на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

Объ измѣненіи порядка о разрѣшеніи дѣлъ объ устройствѣ кладбищъ, о вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ и о привозѣ ихъ изъ-за границы.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ измѣненіи порядка разрѣшенія дѣлъ объ устройствѣ кладбищъ, о вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ и о привозѣ ихъ изъ-за границы, мнѣніемъ положили: 1) Нижеозначенныя ст. Уст. Врач. (Св. Зак., т. XIII, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ: 697. Устройство городскихъ кладбищъ въ разстояніи менѣе ста сажень отъ послѣдняго городского жилья, а сельскихъ кладбищъ ближе полуверсты отъ селенія, въ случаѣ удостовѣренной въ томъ необходимости, можетъ быть разрѣшаемо губернаторомъ или начальникомъ области, а въ градоначальствахъ—градоначальникомъ, по предварительномъ обсужденіи дѣла мѣстнымъ врачебнымъ управленіемъ. При рассмотрѣніи этого рода дѣлъ означенныя управленія руководствуются инструкціею объ устройствѣ кладбищъ, издаваемою Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по предварительномъ разсмотрѣніи оной медицинскимъ совѣтомъ сего Министерства. 716. Тѣла, преданныя уже землѣ, могутъ быть вырываемы для перенесенія въ другое мѣсто, не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащаго губернатора, начальника области или градоначальника, и съ соблюденіемъ при томъ правилъ осторожности, составляемыхъ медицинскимъ совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и издаваемыхъ Министеромъ. О всякомъ дозволеніи на перевозку тѣла въ другую губернію или область немедленно извѣщается, для безпрепятственнаго его пропуска, губернаторъ или начальникъ той области, или же градоначальникъ того города, куда тѣло перевозится. 718. Мертвыя тѣла могутъ быть привозимы изъ-за границы для погребенія ихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи только съ особаго на то дозволенія губернатора или начальника той губерніи или области, гдѣ тѣло будетъ погребено, или же градоначальника, если предназначенное для погребенія мѣсто находится въ подвѣдомственномъ ему городѣ. Наблюденіе за исполненіемъ сего требова-

нія возлагается на подлежащія таможни. 2) Примѣчаніе въ ст. 697 устава врачебнаго (Св. Зак. т. XIII, изд. 1892 г.) оставить въ силѣ, примѣчанія же къ статьямъ 716 и 718 сего устава отмѣнить. Государь Императоръ въ 8-й день декабря 1903 года означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Распоряженіе, объявленное Правительствующему Сенату Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 23 декабря 1903 года. Объ утвержденіи правилъ предосторожности при вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ и Инструкція при разрѣшеніи устройства кладбищъ въ городахъ, селеніяхъ и въ другихъ мѣстностяхъ въ разстояніи меньшемъ указанного въ законѣ.

Правила предосторожности при вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ.

1) Трупы лицъ, умершихъ отъ незаразныхъ болѣзней, могутъ быть выриваемы для перевозки независимо отъ времени ихъ погребенія; трупы же умершихъ отъ заразныхъ болѣзней—не ранѣе истеченія 6 мѣсяцевъ со дня погребенія ихъ. 2) Вырытіе гроба производится подъ наблюденіемъ врача, у котораго долженъ находиться запасъ средствъ, необходимыхъ для поданія, въ случаѣ надобности медицинскою помощи рабочимъ и другимъ лицамъ. 3) Извлеченный изъ могилы гробъ или трупъ, при разрушеніи гроба, дезинфицируется по указанію врача растворомъ хлориновой извести или другими обеззараживающими средствами и помѣщается въ металлическій ящикъ, немедленно герметически запаиваемый. 4) Металлическій ящикъ заключается въ другой металлическій или плотный деревянный просмоленный ящикъ, а свободное пространство между обоими ящиками засыпается гашеною известью. 5) Могила, изъ коей извлеченъ гробъ, засыпается землею въ прослойку съ гашеною известью. 6) При работахъ не должно быть допускаемо присутствіе постороннихъ людей. 7) По окончаніи работы, инструменты, руки рабочихъ и другіе предметы, приходившіе въ соприкосновеніе съ извлеченнымъ изъ могилы гробомъ, де-

зинфекцируются по указанію врача. 8) Мертвыя тѣла, перевозимыя изъ за границы для погребенія въ предѣлахъ Россійской Имперіи, заключаются въ металлическій двойной плотнозапааянный гробъ. Соблюденіе этого требованія удостоверяется Русскимъ Генеральнымъ Консуломъ.

Инструкція при разрѣшеніи устройства кладбищъ въ городахъ, селеніяхъ и другихъ мѣстностяхъ въ разстояніи меньшемъ указаннаго въ законѣ.

1) Въ случаѣ возбужденія ходатайства объ устройствѣ городского или сельскаго кладбища мѣстное врачебное Управленіе поручаетъ одному изъ подвѣдомственныхъ ему врачей осмотръ предполагаемаго къ отводу подъ кладбище участка земли (ст. 2). 2) Осмотръ мѣстности производится врачомъ совмѣстно съ чиновомъ полиціи и понятыми; полученные данныя вносятся въ актъ осмотра. Къ последнему прилагается для наглядности сдѣланный отъ руки планъ мѣстности, съ обозначеніемъ мѣстъ жилыхъ построекъ, колодезь, рѣкъ, озеръ и проч. и имѣющіяся свѣдѣнія о высотѣ состоянія почвенной воды (ст. 4). 3) Подъ кладбища избираются мѣстности по возможности удаленныя отъ большихъ дорогъ, прудовъ, болотъ, рѣкъ и проч. Наибольше благопріятными мѣстами подъ кладбища представляются плоскія возвышенности, съ умѣренно понижающимся скатомъ, доступныя дѣйствию вѣтровъ. 4) Представляется пѣлесообразнымъ, чтобы наивысшій уровень почвенной воды не достигалъ гробовъ и по возможности находился вездѣ не ближе 0,5 метра отъ дна могилъ, причемъ надлежитъ обращать вниманіе, чтобы направленіе теченія почвенныхъ водъ на избираемомъ участкѣ не было къ селенію или къ источникамъ питьевой воды. 5) Въ тѣхъ случаяхъ, когда по мѣстнымъ условіямъ приходится остановиться на выборѣ подъ кладбище такого участка земли, гдѣ почвенная вода постоянно или временно стоитъ близко къ поверхности земли, необходимо, по возможности, принять мѣры къ осушенію почвы проведеніемъ канавъ или устройствомъ искусственнаго дренажа. 6) Подъ кладбища слѣдуетъ выбирать сухую и рыхлую почву, дающую достаточный доступъ воздуху, скоро высыхающую послѣ дождя и не допускающую значительнаго

поднятія воды путем волостности. 7) Если данный участокъ земли на основаніи акта медико-полицейскаго осмотра будетъ признанъ пригоднымъ для устройства на немъ кладбища, то разрѣшеніе погребенія на немъ должно быть обусловлено раздѣленіемъ кладбища на участки съ правильнымъ распределеніемъ на немъ могилъ.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Казанской Духовной Консисторіи.**

Въ виду часто обнаруживающихся неисправностей, допускаемыхъ духовенствомъ при веденіи метрическихъ книгъ, опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 4 іюля—16 октября 1903 г., постановлено: поставить въ извѣстность духовенство епархіи, что виновные въ неисправномъ веденіи метрическихъ книгъ будутъ наказываемы, согласно 192 и 193 ст. Устава Дух. Консисторій, выговоромъ со внесеніемъ или безъ внесенія въ формуляръ, смотря по степени виновности, и денежнымъ штрафомъ; неоднократно же замѣченные въ сей неисправности, соединенной съ явнымъ нерадѣніемъ, будутъ отрѣшаемы отъ мѣста.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Казанской Духовной Консисторіи.**

Вслѣдствіе неоднократно замѣченныхъ Епархіальнымъ Начальствомъ случаевъ выдачи причтами удостовѣреній при прошеніяхъ о разрѣшеніи разнымъ лицамъ вступить въ бракъ безъ оплаты гербовымъ сборомъ, нарушеніе котораго предусмотрено 163 ст. Уст. о Гер. Сб., опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся (25 октября—3 ноября 1903 года, между прочимъ, постановлено: циркулярно дать знать чрезъ благочинныхъ всему духовенству, чтобы оно при выдачѣ удостовѣреній о родствѣ взмѣсывало съ заинтересованныхъ лицъ гербовый сборъ въ установленномъ размѣрѣ и прилагало съ погашеніемъ онаго къ выдаваемому документу, хотя бы оныя удостовѣренія дѣлаемы были и не на отдѣльныхъ листахъ, а на прошеніяхъ.

Телеграмма Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіажскаго, присланная на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Алексія, Епископа Чистопольскаго.

„Разрѣшаю Красному Кресту сборъ пожертвованій въ церквахъ епархіи. Приглашаю духовенство поученіями и всячески содѣйствовать успѣху сбора.

Архіепископъ Димитрій“.

Предложеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіажскаго, Казанской Духовной Консисторіи.

Предлагаю Казанской Духовной Консисторіи немедленно особыми циркулярами обратить особенное вниманіе приходскаго духовенства и монастырей Казанской епархіи на опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 28 января 1904 года, за № 398, напечатанное въ № 5 Церковныхъ Вѣдомостей сего года.

Безъ сомнѣнія, монастыри, церкви, въ лицѣ причтовъ и старостъ и лично приходское духовенство Казанской епархіи откликнутся на призывъ Святѣйшаго Синода къ пожертвованію на дѣло вѣры и отечества ради христіанскаго человеколюбія, съ тою особою готовностью, какая всегда отличала наше православное русское духовенство, и поспѣшатъ привести, по мѣрѣ достатковъ, жертвы на великое отечественное дѣло, на которое несетъ свои посильныя жертвы вся богатая и бѣдная Россія. вмѣстѣ съ симъ, въ виду разрѣшенія опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода сбора пожертвованій въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ Россійскому Обществу Краснаго Креста, въ церквахъ за воскресными богослуженіями,—циркулярно пригласить настоятелей монастырей и приходскихъ священниковъ оказывать содѣйствіе по сбору пожертвованій уполномоченнымъ отъ Общества Краснаго Креста. А гдѣ такихъ не будетъ, сборъ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, возложить на церковныхъ старостъ. Чтобы вызвать болѣе обильный

притоку пожертвованій, священники должны: 1) въ простыхъ удобопонятныхъ поученіяхъ разъяснить молящимся всю тяжесть борьбы съ неожиданно выступившимъ противъ нашего дорогого отечества врагомъ, всѣ невзгоды, трудности, лишения и страданія нашихъ воиновъ во время войны, всю необходимость щедрыми пожертвованіями дать возможность облегчить тяжелое положеніе раненыхъ и больныхъ воиновъ, самоотверженно пожертвовавшихъ собою за благо отечества, за благосостоянія всѣхъ насъ. 2) Гдѣ уполномоченныхъ Краснаго Креста не будетъ, тамъ предлагается старостамъ церковнымъ приглашать себѣ въ помощь обносить по церкви во время богослуженія кружку для сбора пожертвованій на нужды раненыхъ и больныхъ воиновъ и болѣе уважаемыхъ членовъ прихода, которые своимъ ближайшимъ участіемъ въ дѣлѣ сбора окажутъ доброе воздѣйствіе и на другихъ молящихся. Сборы направлять по указанному.

Присоединеніе къ православію.

12 января 1904 года священникомъ села Багаева, Свіяжскаго уѣзда, Александромъ Соловьевымъ присоединена въ православію изъ раскола австрійской секты крестьянка села Можарокъ, Цивильскаго уѣзда, Анастасія Максимова Цапанна.

8 октября 1903 года протоіереемъ Николаевского гор. Чистополя собора Василиемъ Пеньковскимъ присоединена къ православію раскольница изъ поморской секты, Чистопольская мѣщанка— дѣвица Марія Иванова Осколкова, 16¹/₂ лѣтъ.

Просвѣщеніе св. крещеніемъ.

25 января сего года причтомъ села Подгорныхъ Тимашъ, Цивильскаго уѣзда, просвѣщены св. крещеніемъ язычники изъ чувашь деревни 1-й Мало-Янтиковой: Пимулла Титмуллинъ, 53 лѣтъ, съ нареченіемъ ему имени Петръ, и Шегорока Николаева, 50 лѣтъ, съ нареченіемъ ей имени Анна.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ.¹⁾

«Поминай послѣдняя твоя,—и во грѣхи
не согрѣшиши (Сирах. VII, 39)».

Предлежащій гробъ напоминаетъ и всѣмъ намъ, братіе, о нашей смерти. Почившую рабу Божію Екатерину я не зналъ, а потому говорить при ея гробѣ столь обычное въ такихъ случаяхъ слово похвалы я не имѣю права. Да и ея смиреніе христіанское нуждается теперь не въ похвальныхъ и красивыхъ рѣчахъ, а въ молитвѣ. Помолимся же усердно о почившей рабѣ Божіей, а молясь, выслушаемъ слово назиданія и о нашей собственной смерти.

„Видишь, говоритъ Св. Тихонъ Задонскій, что часы заведенные непрестанно идутъ, и хотя спимъ или бодрствуемъ, дѣлаемъ или не дѣлаемъ, непрестанное движеніе имѣютъ и приближаются къ предѣлу своему. Такова и жизнь наша: отъ рожденія и до смерти непрестанно *течетъ* и убавляется и къ концу своему приближается“. Но по характеру своему, по своему нравственному достоинству, теченіе жизни бываетъ двоякое, ибо какова причина, таково и слѣдствіе. Благочестіе, на все полезное, имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей (1 Тим. IV, 8). Жизнь нравственно-добрая не только увеличиваетъ сумму добра духовнаго въ Царствѣ Христовомъ, но и добра физическаго, здоровья тѣлеснаго и вообще вѣшняго благоденствія. Напротивъ, нечестивому не будетъ добра и, подобно тѣни, недолго

¹⁾ Изъ поученія, сказаннаго во Владимірскомъ соборѣ 7 февраля 1904 г., въ день отпѣванія рабы Божіей Екатерины Матвѣвской.

продержится тотъ, кто не благоговѣтъ предъ Богомъ (Еккл. VIII, 13), потому что души злыхъ людей Господь не охраняетъ отъ смерти (Пс. 77, 50).

И если возмездіе за грѣхъ—смерть (Рим. VI, 23), то чѣмъ больше грѣха на землѣ, тѣмъ больше должна быть и смертность людская. И мы видимъ, что не смотря на всю силу врачебнаго искусства, не смотря на всѣ такъ называемыя послѣднія слова врачебной науки, смертность рода человѣческаго поразительная, потому, конечно, что грѣхъ слишкомъ царствуетъ въ смертномъ тѣлѣ нашемъ (Рим. VI, 11). Отъ того многіе изъ насъ немощны и больны, и не мало умираетъ, говоритъ апостоль Павелъ, что мы или преступно уклоняемся отъ принятія Тѣла и Крови Господней, или преступно приступаемъ къ этому великому таинству (1 Кор. 11, 30).

Посмотрите, какая поразительная смертность среди дѣтей! Въ дѣтскихъ пріютахъ и разнаго рода ясляхъ изъ сотни едва пять, много десять, остаются въ живыхъ, потому, конечно, что благодаря преступной и незаконной связи своихъ случайныхъ родителей дѣти остаются внѣ крова семейной жизни и почти совсѣмъ не сподобляются причастія животворящей Крови Христовой. Не застрахована отъ смерти и крѣпкая и бодрая юность и опять потому, что слишкомъ скоро эта юность знакомится съ грѣхомъ, старѣетъ и изнашивается. Среди взрослыхъ большинство доживаетъ только до 33—35 лѣтъ. Не станемъ говорить о чахоткѣ, которая поразительно много уноситъ человѣческихъ жизней; обратимъ вниманіе на увеличивающуюся смертность отъ тѣхъ модныхъ болѣзней, которыми поражено огромное количество современнаго человечества: разумѣемъ болѣзни венерическія и нервныя, на почвѣ которыхъ и идетъ такимъ усиленнымъ маршемъ вырожденіе людей, заканчивающееся обычно или калѣчествомъ, или скоропостижными смертями. И все это—страшное возмездіе за грѣхъ.

И что особенно страшно, такъ это то, что при такой ужасающей работѣ смерти, время кончины нашей все-же намъ неизвѣстно, и люди умираютъ весьма часто совсѣмъ неожиданно. Такъ, военачальника Сисару смерть застигла на постелѣ, Амнона, сына Давидова, послѣ угощенія ви-

номъ въ кругу родныхъ. Случалось, люди умирали въ день своей свадьбы. Одинъ спрашивалъ: „какой часъ“, и пока справлялись о времени, онъ уже умеръ. „Мы видимъ, говорить Св. Тихонъ Задонскій, что тѣ, которые съ утра ходили здоровы, къ вечеру лежатъ на одрѣ смертномъ бездыханными, и тѣ, которые съ вечера засыпаютъ, по утру не встаютъ и будутъ спать до трубы архангельской“.

Все это, т. е., съ одной стороны, все болѣе и болѣе увеличивающаяся смертность рода человѣческаго, съ другой, полная неожиданность смертнаго часа,—все это, братіе, заставляетъ насъ не забывать и нашего исхода изъ здѣшней жизни, *помнить послѣдняя своя*. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, говорить Господь, ибо не знаете, когда наступитъ это время (Мрк. XIII, 33). Очевидно, Промыслу Божию потому угодно было сокрыть отъ насъ день и часъ нашей смерти, чтобы мы всегда были готовы къ исходу, когда ни позоветъ насъ къ Себѣ Владыка нашъ Богъ. Блаженны тѣ рабы, которыхъ Господь найдетъ бодрствующими (Лук. XII, 37).

Блаженны они, конечно, потому, что блаженно умираютъ, ибо живутъ какъ бы по вся дни умирая (1 Кор. XV, 31), а умершій свободенъ отъ грѣха (Рим. VI, 7). Помнящій послѣдняя своя — смерть, судъ, адъ и рай—во вѣки не согрѣшитъ, ибо память смертная удержитъ его отъ грѣха. Если бы люди каждое утро своей сознательной жизни встрѣчали серьезнымъ раздумьемъ: не будетъ ли этотъ день послѣднимъ днемъ моей жизни, а каждый день заканчивали новой думой о томъ, что быть можетъ наступающая ночь на вѣки закроетъ глаза мои, и одрѣ мой станетъ гробомъ моимъ, о! сколько бы тогда остыло плетскихъ похотѣній, нечистыхъ пожеланій, сколько было бы спасено человѣческихъ жизней отъ огня геенскаго!

Поразительный случай передаетъ Св. Іоаннъ Лѣствичникъ объ одномъ инокѣ горы Хорива, Исихіи. Инокъ этотъ велъ сначала самую нерадивую жизнь и нисколько не заботился о душѣ своей. Однажды впалъ онъ въ такую жестокую болѣзнь, что душа его съ часъ времени была въ совершенномъ разлученіи отъ тѣла. Потомъ, когда онъ пришелъ въ себя, то сразу же отъ всѣхъ и отъ всего удалился, за-

ключился въ своей кельѣ и около 12 лѣтъ прожилъ въ такомъ затворѣ, питаясь хлѣбомъ и водою и не говоря ни съ кѣмъ ни слова. За все это время онъ не преставалъ погружаться своими думами въ тѣ видѣнія, которыя представлялись ему во время обмиранія, постоянно былъ какъ бы внѣ себя, проливалъ покаянныя слезы и до конца жизни своей былъ вѣренъ своему доброму настроенію. Когда насталъ день его кончины, братья иноки отворили дверь и вошли въ его келью, чтобы проститься и послѣдній разъ поговорить съ нимъ. Но на всѣ вопросы братіи инокъ Исихій сказалъ только слѣдующее: „Простите, кто стяжалъ память смерти, тотъ никогда не можетъ согрѣшить“.

Вотъ почему всѣ великіе подвижники и добрые христіане всегда помнили и помнятъ день тотъ, который, по слову Господа, долженъ придти для каждаго изъ насъ яко тать въ нощи. Такъ, блаженный Іеронимъ держалъ предъ глазами своими человѣческой черепъ. Іоаннъ милостивый, патріархъ александрійскій, приказалъ устроить для себя гробъ¹⁾, но не отдѣлывать его окончательно, и поставилъ въ обязанность мастерамъ, чтобы они въ праздничные дни приходили къ нему и въ присутствіи всѣхъ громогласно говорили: „гробъ твой, владыко, доселѣ еще не оконченъ; итакъ, прикажи докончить его, ибо смерть приближается какъ тать, и ты не знаешь, въ какой часъ она придетъ“. Многіе выкапывали себѣ могилу (на Аеонѣ) и по временамъ ложились на ночь въ эти могилы.

Будемъ и мы всегда хранить память смертную и всегда быть въ готовности къ переходу въ вѣчность. Аминь.

Е. Алексій.

---

¹⁾ Тоже извѣстно о Св. Тихонѣ Задонскомъ и многихъ другихъ.

О ВИРЕМЕТЯХЪ

у чувашъ и черемисъ.

Предки выѣшнихъ чувашъ и черемисъ въ старинные годы жили, какъ и теперь, въ среднемъ Поволжьѣ. Лѣса, что теперь сохранились по луговой сторонѣ Волги, въ то время шли и по правому, нагорному, ея берегу. Здѣсь росли вѣковья дубовья и липовья рощи, была осина, красавица кудрявая береза и ель. Мрачный сосновый боръ, который тянется на сотни верстъ въ сѣверной части Казанской губ. и переходитъ въ смежную съ нею Нижегородскую, только и можетъ напоминать намъ то старинное время.

Много страха извѣдали тогдашніе жители этихъ дикихъ мѣстъ. Человѣческія селенія были рѣдки. Кругомъ въ лѣсахъ водилось не мало дикихъ звѣрей, по дорогамъ было не мало лихихъ людей. Чувашъ съ черемисами жили въ небольшихъ курныхъ избушкахъ, занимались пчеловодствомъ, охотой, имѣли кое какую скотинку и хозяйство. Народъ они были смиренный и обижали ихъ не одни только звѣри и разбойники, но и сама мать—природа, съ которой они не умѣли еще жить въ ладу. Курныя избушки плохо защищали ихъ отъ зимняго лютаго холода. Пахотныя поля, которыя съ большимъ трудомъ приходилось отвоевывать у лѣса, плохо обрабатывались и приносили мало хлѣба. Жизнь въ грязи, въ холодѣ и голодѣ куда не красна! А тутъ еще болѣзни разныя частенько въ гости показивали. Гдѣ грязно, да голодно, тутъ имъ настоящее житье. Придутъ, взрослыхъ такъ переломаютъ, что иной, какъ пласть, лежитъ, ни рукой, ни ногой шевельнуться не можетъ. Дѣтей же малыхъ такъ вовсе передушатъ. Глядѣть и страшно и жалко, матери плачутъ, а помочь нечѣмъ: средствъ никто не знаетъ.

Приходили бѣды и на домашнюю скотинку. То пропадетъ въ лѣсу, то волкъ или медвѣдь зарѣжетъ, а то моръ придетъ и начнутъ ни съ того ни съ сего падать послѣднія коровенки и лошаденки. Въ хозяйствѣ раззоръ! Бывало и такъ: разразится въ небѣ лѣтняя гроза. Тяжелыя тучи

нависнуть надъ самымъ лѣсомъ. Буря валить столѣтнія дубы. А молнія убиваетъ живыхъ людей и зажигаетъ селенія... А то вмѣсто цѣлаго ряда непрерывныхъ дождей, которые зальютъ и погубятъ всѣ дуга и пашни, настанетъ вдругъ засуха. Въ небѣ—ни облачка. На землѣ—хоть бы росинка. Хлѣбъ засохнетъ на корню. Траву повыжжетъ. Ну, тогда прямо ложись и помирай! Ни людямъ, ни скоту ѣсть нечего. Пока то еще горькимъ опытомъ научились хлѣбные запасы дѣлать.

Ничего не знали темные люди. Не могли они въ толкѣ взять и объяснить, откуда всѣ бѣды на нихъ сыплются и чѣмъ себя отъ нихъ оградить. Видѣли они только, что все ихъ благосостояніе и самая жизнь зависятъ отъ какихъ то таинственныхъ силъ, борются съ которыми они не умѣли. Вѣчный страхъ, который испытывали они предъ своими невидимыми врагами, и опасенія за свою участь и поролили тогда у чувашъ вѣру въ киреметей. У страха глаза велики. Такъ и предку чувашина и черемисина со страху стало казаться, что онъ не одинъ въ лѣсу со звѣрями живеть, что есть кромѣ того въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, озерахъ и болотахъ еще какія то таинственныя существа. Рѣшить, что отъ нихъ идетъ все зло въ жизни, было уже дѣломъ случая и догадки досужихъ людей. А когда такое рѣшеніе состоялось, все стало просто и ясно. Посѣтитъ ли какая бѣда человѣка, это злая киремети наслала, заболѣетъ ли кто изъ людей или скота, это кириметь пришла и человѣка или скотину корчитъ, ломаетъ и душитъ.

Кто такія были сами киремети, для чувашина и черемисина это былъ вопросъ темный. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не давалъ имъ покоя, пока они, подобно слѣпому, ошущью и догадкой, не пришли къ его рѣшенію. Смерть близкихъ имъ лицъ послужила первымъ указаніемъ къ разгадкѣ мучившаго ихъ вопроса. Мертвые уходятъ въ ту страну, откуда нѣтъ возврата, о которой никто ничего не знаетъ. Они сами становятся таинственными невидимыми существами. Ужъ не они ли и есть киремети? Тайна смерти оставляла неразгаданнымъ это предположеніе. Но зерно было брошено и имъ воспользовалась народная фантазія. Въ незапамятныя уже времена у чувашъ и черемисъ сложилось повѣрье, что мертвые сохраняютъ въ загробномъ мірѣ всѣ

свойства и привычки, пріобрѣтенныя ими втеченіе земной жизни. Также имѣють свои дома, пчель, стада домашняго скота и пахотныя поля, богатые остаются богатыми, бѣдныя—бѣдняками, купцы—купцами, начальники—начальниками, всѣ продолжаютъ свои земныя занятія—купцы торгуютъ, воры воруютъ, ибмзи ворожатъ и гадаютъ, всѣ пьютъ, ѣдятъ, женятся и (по черемисскому повѣрью) даже снова умираютъ, если не успѣють откупиться отъ смерти.

Въ отличіе отъ живыхъ народная фантазія надѣлила умершихъ только большею силой. Изъ страха предъ мертвыми стали думать, что они незримо для живыхъ могли принимать большое участіе въ ихъ жизни, помогать имъ въ ихъ невзгодахъ или же причинять разныя бѣдствія. Взаимныя отношенія между мертвыми и живыми, согласно народному повѣрью, представлялись въ такомъ видѣ. Мертвые, особенно на первыхъ порахъ загробнаго существованія, нуждались въ помощи живыхъ. Они только еще обзаводились новымъ хозяйствомъ и нуждались въ необходимомъ. Поэтому живые считали своею обязанностью въ это время кормить ихъ. Въ могилу умершему клали обыкновенно пищу, одежду и его любимыя вещи. Покойники, не получившіе могильныхъ трапезъ, по народному повѣрью, выходили изъ могилъ и блуждали призраками въ ночной темнотѣ, безпокою живыхъ; являясь во снѣ, они укоряли своихъ близкихъ за ихъ небрежность или скупость, насылали на ихъ жилища и семейства разныя несчастія, пока не получали себѣ просимаго. По полученіи просимаго они въ свою очередь оказывали всякаго рода услуги живымъ, наблюдали за ихъ хозяйствомъ, дѣлали работу ихъ успѣшною.

Духи умершихъ были извѣстны сначала подъ именемъ киреметей. Слово это, говорятъ, заимствовано чувашами у арабовъ, съ которыми когда то, въ очень давнія времена, они вели торговлю. У арабовъ же словомъ „хўрмет“ обозначалось все священное, неприкосновенное. Между киреметями—предками различали добрыхъ и злыхъ. Различіе это выражалось и въ названіяхъ, которыя прилагались къ киреметямъ въ той или другой мѣстности. Добрую киреметь чуваша называли ырă киреметь, а злую—хаяр киреметь. Сохранились и молитвенныя обращенія къ добрымъ киреметямъ. Одно изъ нихъ, произносимое при обрядѣ моленія за урожай новаго хлѣба, читается, напр., такъ:

Е писмелле! Брѣ киремет- Во имя Бога! Добрые духи сем ан пѣрахѣр. Сырлаха киремети не оставьте! Помихурѣр! Сире хѣпарту, йусман луйте! Приношу вамъ калапѣтти туклеп, Сывлѣх парѣр! банки и кашу съ йосманом. Брлѣх парѣр! Килѣм-суртѣма Здравья дайте! Дайте благополучія. Пить, ѣсть изобиліе аѣамсене те тук сырлах!— дайте. Все мое домохозайство и дѣтей за жертву помилуй! Аминь.

Различіе въ названіяхъ киреметей со временемъ забылось. Добрыхъ покойниковъ меньше боялись, меньше и помнили. Злыхъ же и мстительныхъ забыть было невозможно, такъ какъ они постоянно напоминали о себѣ различными бѣдами. Злые къ тому же больше нуждались въ помощи живыхъ людей. На томъ свѣтѣ имъ жилось голодно и холодно. Напрасно прилагали они усилія обзавестись, подобно добрымъ людямъ, своимъ домомъ и хозяйствомъ. Ничего имъ не удавалось. Хозяйство ихъ гибло, а воздѣланныя поля оставались безплодны. Вѣчно голодные и томимые жаждою они заявляли о своихъ нуждахъ живымъ, насылая на нихъ болѣзни и несчастья; и тѣмъ ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнять ихъ требованія. Такимъ образомъ названіе киреметь сохранилось по преимуществу за злыми людьми, которыхъ по смерти всѣ опасались. Чтобы задобрить, ихъ называли иногда добрыми. Но въ душѣ ихъ ненавидѣли, страшно боялись и считали злыми. Страхъ предъ киреметями такъ великъ, что черемисинъ, напр., старается не только не говорить, но даже не думать и не смотрѣть на мѣсто воображаемаго пребыванія киремети.

Со времени появленія вѣры въ киреметей на землѣ жило и умерло не мало злыхъ людей. Но не всѣ они превратились въ киреметей. Только отъявленные злодѣи и извѣстные преступники попали въ ихъ число. Остальные же, менѣе извѣстные, были также забыты. О киреметяхъ ходитъ въ народѣ много разсказовъ. По чувашскимъ сказаніямъ, киреметь—это бѣглый баринъ. По смерти своей онъ былъ у Бога начальникомъ, но вздумалъ воспротивиться Ему и бѣжалъ отъ Него. Богъ послалъ разыскивать его. Три года искали бѣглеца и нашли.

Стали его судить въ судѣ Божіемъ. Судьи присудили посадить его въ тюрьму на весь вѣкъ. Богъ нашелъ такое наказаніе тяжелымъ и говоритъ судьямъ: „слушай, ребята, пусть будетъ всякій овражекъ и лѣсокъ его мѣстомъ, и что принесутъ ему—деньги ли, овцу ли, тѣмъ и живеть“. Какъ присуждено, такъ и сдѣлано. Баринъ поселился въ оврагѣ и сталъ вредить людямъ; люди начали приносить ему деньги и животныхъ. Это и былъ, по мнѣнію чувашъ, родоначальникъ всѣхъ киреметей. Потомъ онъ женился и народилъ дѣтей и стало киреметей много, такъ какъ каждый потомокъ этого барина имѣетъ свой особый оврагъ или лѣсъ и чувашь, что бы задобрить его, приносятъ ему жертвы.

У черемисъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ рассказываютъ о киреметѣ другое. Говорятъ, что онъ попалъ къ черемисамъ отъ татаръ. Жилъ онъ среди нихъ какъ человекъ, носилъ татарскую одежду и ничего худого не дѣлалъ. Потомъ вдругъ сталъ гадить татарамъ. Тѣ озлились и собрались его убить. Киреметь бѣжалъ, татары погнались за нимъ и непременно убили бы его, но, онъ спрятался у одного черемисина. Татары пробѣжали мимо. Черемисинъ вытащилъ киремета изъ ямы, гдѣ онъ скрывался, увелъ къ себѣ, одѣлъ его въ черемисскую одежду. Киреметь въ благодарность сказалъ черемисину: „теперь я буду вашъ, а не татарскій, коли что будетъ плохо у васъ, скотъ не здоровъ или человекъ—это мое дѣло, молитесь мнѣ тогда“. Съ тѣхъ поръ, говорятъ черемисы, онъ и корчитъ насъ, а поймать нельзя: рѣдко видать, да и то больше невзначай—въ лѣсу, въ полѣ... А то попадись онъ намъ, собака,—убьемъ.

Въ этомъ рассказѣ нельзя не видѣть слѣды историческихъ насилій, которыя черемисы, какъ и чувашь, въ былое время терпѣли отъ татаръ. У чувашъ, по крайней мѣрѣ въ число злыхъ духовъ, насылающихъ болѣзни, попалъ даже одинъ изъ магометанскихъ шейховъ, Мамюмъ-Ходжа, могила котораго находилась на вершинѣ горы въ Биларскѣ. Биларскъ или Буляръ у чувашъ превратился, по законамъ ихъ языка, въ Пыл-ар, что значитъ медовое мѣсто. Преданіе гласитъ, что Мелимъ-Хузя, обитавшій нѣкогда за Волгой на горѣ, изъ которой течетъ медъ, оттуда наѣзжалъ въ образѣ татарина на тройкѣ лошадей къ чувашамъ въ деревню Маслоу, куда въ послѣдствіи и переселился совсѣмъ вмѣстѣ съ

амбаромъ, привезеннымъ изъ прежняго мѣста его жительства. Здѣсь ему приносили жертвы и считали виновникомъ разныхъ болѣзней.

Разсказываютъ еще, что былъ одинъ черемисскій князь. Онъ жестоко обращался съ подданными, обременялъ ихъ чрезмѣрными работами и налогами. Черемисы проклинали его за это. Князь страшно разсердился и еще болѣе началъ притѣснять черемисъ и, умирая, пригрозилъ, что и послѣ смерти будетъ мучить ихъ; и какъ только умеръ, на черемисъ дѣйствительно посыпались разныя бѣдствія.

Беззащитность предъ разбоемъ послужила причиною возникновенія разсказовъ о киреметяхъ—разбойникахъ. Относительно Кюртню-водожа, напр., Козьмодемьянскіе черемисы разсказываютъ, что онъ былъ бѣглый солдатъ, жилъ съ братомъ въ лѣсу, много разбойничалъ и обижалъ черемисъ. Поймать ихъ было трудно. Когда же, наконецъ, черемисы окружили ихъ, они залѣзли на дубъ, который стоялъ на берегу рѣки Большой-Юнги и бросились въ воду, но прежде пригрозили черемисамъ, что и послѣ смерти будутъ ихъ обижать,—причинять имъ разныя болѣзни. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ смерти, въ черемисской землѣ показался страшный моръ, который приписали мщенію этихъ братьевъ. Чтобы умилостивить ихъ, черемисы, по указанію ворожей, стали приносить имъ жертвы.

Такими же разбойниками были и нѣкоторые другіе Козмодемьянскіе киремети: Яр-водожд, Яуш-киреметь, который жилъ за Волгой въ лѣсу, Икса-киреметь и другіе. Яушъ (Яковъ)—киреметь, по разсказамъ луговыхъ черемисъ, былъ тоже бѣглый солдатъ и разбойникъ. Его подстрѣлили и передъ смертію онъ предсказалъ, что ему будутъ приносить жертвы, что и исполнилось послѣ того, какъ многіе изъ черемисъ, участвовавшихъ въ его убіеніи, захворали.

О Сорминской киремети (въ чувашско сорминскомъ приходѣ) имѣется слѣдующая легенда... Когда Пугачевъ съ своей шайкой былъ окруженъ русскими войсками, то одинъ изъ его генераловъ (по выраженію чувашъ) успѣлъ убѣжать и, прискакавъ въ лѣсъ, близъ села чувашской Сормы, Ядринскаго у., остановился и сказалъ: пусть будетъ здѣсь киреметь и пусть чуваша меня почитаютъ. На этомъ мѣстѣ генералъ былъ схваченъ и повѣшенъ на березѣ. Лошадь у него была сивая, а узда и подковы серебрянныя.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ около села Пурмасъ находится старинное кладбище, извѣстное у чувашъ подъ названіемъ сиччькас-музаре — кладбище семи деревень. Подъ однимъ изъ камней, по рассказамъ чувашъ, погребенъ чувашинь, который при жизни славился колдовствомъ. Душа этого колдуна (киреметъ), обитающая на кладбищѣ, и до сихъ поръ не даетъ чувашамъ покою; поражаетъ ихъ главною болью, насылаетъ болѣзни на скотину.

О Макар-киреметѣ горные черемисы рассказываютъ, что это былъ деревенскій кулакъ. Однажды онъ задумалъ оттягать землю у сосѣдей. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, онъ предложилъ черемисамъ спросить на счетъ спорныхъ правъ мать-землю. Черемисы приняли этотъ совѣтъ и посаженные въ ямахъ сыновья Макара, на вопросъ: чья это земля?—отвѣтили: Макарова. Макаръ выигралъ землю, но потерялъ сыновей, которые задохнулись въ ямахъ. Съ горя онъ умеръ на мѣстѣ, но его духъ сталъ жить на отнятой имъ землѣ и явилась Макарова-киреметъ.

Рассказы о Макарѣ съ различными дополненіями существуютъ въ разныхъ мѣстахъ и у чувашъ. Макаръ извѣстенъ иногда подъ другимъ именемъ, но самая исторія о томъ, какъ кулакъ оттягалъ у односельчанъ обманомъ землю и при этомъ потерялъ сыновей и самъ по смерти сталъ киреметемъ остается вездѣ одинаково неизмѣнной.

На человѣческое происхожденіе киреметей помимо преданій о ихъ жизни указываетъ далѣе ихъ внѣшній видъ, въ которомъ являются они воображенію чувашъ и черемисъ. По представленію чувашъ, киреметъ одежду и сапоги носить красные и лежитъ на красной кровати. Почитаемый въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, Пальтыканъ киреметъ представляется черемисамъ также въ видѣ человѣка въ красной рубашкѣ, плавающего въ золотой лодкѣ по р. Сумкѣ около своей роши. Кюртюню-водожъ ѣздитъ на тройкѣ карихъ лошадей, одѣтый какъ исправникъ. Мелим-Хузя наѣзжалъ по временамъ въ деревню Маслоу къ чувашамъ въ образѣ татарина, въ кибиткѣ, на тройкѣ вороныхъ лошадей. Хаяр-киреметъ ѣздитъ съ трескомъ и шумомъ въ большой черной каретѣ, запряженной десяткомъ черныхъ, какъ смоль, лошадей. Рыло у нея продолговатое; борода большая; на головѣ красный колпакъ. Глаза ея сверкаютъ, какъ молнія. Кафтаны на ней красный, какъ огонь.

Въ названіяхъ киреметей сохранились также отличительные признаки ихъ былого происхожденія. Такъ, напр., Макар-киремель названа по имени извѣстнаго кулака Макара. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ у луговыхъ черемисъ есть, между прочимъ, Ял-ѣмбач-коштшы-киремель, т. е. черезъ деревню ходящая киремель, есть Курук-кугу-йынг, горный большой человекъ, Кѣвар-кугузай—мостовой дѣдушка. У черемисъ Вятской губ. есть Епрем-кугуза, дѣдушка Ефремъ, Немдэ-курукъ-кугуза, дѣдушка съ горы надъ Немдой рѣкой, Отвуй-Ванюшка, бѣлоголовый Ванюшка.

У чувашъ также часто встрѣчаются киремети съ мужскими именами, напр., Ентри (Андреева) — киремель, Иштубай (Иштубаева) — киремель, Яку (Яковлева) — киремель, хотя трудно судить, кому собственно принадлежитъ названіе, самой ли киремети или чувашину, который при жизни владѣлъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она поселилась.

Изъ всего вышесказаннаго о происхожденіи киреметей видно, что они раньше были люди, жили и умерли въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Такъ какъ при жизни люди отличались разнымъ характеромъ, то и между киреметями сначала различали добрыхъ и злыхъ. Боялись тѣхъ и другихъ. Но преимущественно извѣстностью пользовались все таки злые, за которыми названіе киремель сохранилось и до нынѣ. Разказы сохранились только о злыхъ киреметяхъ, которые при жизни надѣлали людямъ много зла, грозили мстить людямъ и по смерти. Среди нихъ мы видимъ и такихъ людей, которые просто стояли во враждѣ со всѣми, и людей, облеченныхъ властью, которые при жизни своей властью злоупотребляли. Въ числѣ киреметей есть и татарскій шейхъ, и черемисскій князь, и русскій баринъ, и бѣглый солдатъ, міроѣдъ—кулакъ, колдунъ и разбойникъ. Всѣ эти люди, совершенно обыкновенные за исключеніемъ зла, которое они причиняли другимъ, въ народномъ сознаніи возвысились до степени сказочныхъ героев и полубоговъ, благодаря приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ и таинственному ужасу, внушаемому ими. Самое человѣческое происхожденіе ихъ со временемъ должно было позабыться и, какъ мы увидимъ ниже, подъ вліяніемъ христіанской религіи и ислама, явились попытки объединить эти разрозненные силы въ одномъ общемъ зломъ началѣ, противоположномъ Богу.

По языческимъ вѣрованіямъ чувашъ и черемисъ, всѣ эти люди остались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ умерли, и продолжаютъ вредить живущимъ тамъ. Они насылаютъ на людей тяжкія болѣзни, губятъ дѣтей, изнуряютъ скотъ и производятъ засуху. Злые киремети тѣмъ собственно и отличаются отъ другихъ умершихъ, что не могутъ уже дѣлать добра. Дѣлать другимъ зло и причинять страданія доставляетъ имъ наслажденіе. Это по преимуществу духи зла, хотя съ шайтаномъ (сатаномъ), котораго чуваша, равно какъ и черемисы называютъ иногда явилъ (дьяволъ), они ничего общаго не имѣютъ. Все безчисленное потомство шайтана не имѣетъ опредѣленныхъ жилищъ, не получаетъ жертвъ, но еще кромѣ того прогоняется изъ селеній одинъ разъ въ году въ праздникъ Сюрэм или Шурэм.

Отсутствіе болѣе подробныхъ свѣдѣній о киреметяхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что чуваша и черемисы—язычники уклоняются отъ разказовъ о киремети, изъ опасенія со стороны ея какой-либо мести.

II.

Одна ошибка влечетъ всегда почти за собою другую. Ложь всегда порождаетъ ложь. Такъ случилось и съ киреметами. Киреметей собственно никогда не было. Простые темные люди не умѣли объяснить себѣ, откуда происходятъ зло и болѣзни въ мірѣ, и придумали злыхъ киреметей, которые для того только и живутъ, чтобы причинять человѣку болѣзнь или другую какую напасть. Придумавши киреметей, они и сами стали вѣрить въ нихъ и вѣру свою въ киреметей дѣтямъ передали. Такъ и пошла ложная выдумка передаваться изъ рода въ родъ. Но этого мало. Люди изъ боязни несчастья и болѣзней стали задабривать эти измышленныя, ими же самими придуманныя существа жертвами. По общему вѣрованію, что умершіе живутъ тою же жизнью, какъ и живые, и нуждаются въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, которыми пользовались и раньше, черемисы и чуваша объясняли себѣ зло, причиняемое киреметами, желаніемъ послѣднихъ поживиться отъ людей какою нибудь уткой, бараномъ или жеребенкомъ. Жертва киремети всегда была похожа такимъ образомъ на взятку, или выкупъ, который давалъ, напр., больной человѣкъ, чтобы освободиться отъ постигшей его болѣзни. Киреметей боялись, поэтому и приносили имъ жертвы.

Народныя сказанія представляюгъ киреметь существомъ не только злымъ, но и вѣчно голоднымъ, жаднымъ и прожорливымъ. Она не довольствуется малымъ. По черемисскимъ рассказамъ, киреметь, забравшаяся въ отсутствіе хозяевъ въ черемисскій домъ, въ видѣ черемисина, начала душить возвратившуюся хозяйку, требуя отъ нея блиновъ. Дѣлать нечего. Черемиска приготовила блины, а киреметь, наѣвшись до сыта и выпавшись, требуетъ, чтобы ей зарѣзали и изжарили пѣтуха, и ушла изъ дома, когда, наконецъ, для нея закололи лошадь.

Такой же точно рассказъ сохраняется и среди чувашъ. Киреметь, спрятанная чувашкой отъ преслѣдовавшаго ее Бога, попросила сначала каши, затѣмъ потребовала отъ хозяйки утку, когда же чувашка отказалась исполнить это требованіе, киреметь избила ее до полусмерти и отъ полуживой женщины требовала снова утку, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Чувашка кое какъ встала съ постели, заколола и сварила утку и накормила киреметь. Киреметь потомъ куда то уходила, а возвратившись въ третій разъ съѣла гуся, въ 4-й барана, въ 5-й быка, въ 6-й лошадь. Уходя отъ чувашки въ послѣдній разъ, киреметь сказала ей, если она еще когда нибудь заболѣетъ то сварила бы кашу, а если отъ этого не будетъ лучше, то утку, гуся, барана, быка, лошадь, и что съ этого времени чувашка будетъ ей, киремети, помощницей—будетъ ъмзить (гадать, ворожить), когда будутъ люди хворать. По уходѣ киремети чувашка стала всѣмъ говорить, что знаетъ отчего люди хвораютъ и отчего могутъ выздороветъ. Къ ней стали обращаться больные и она совѣтовала всѣмъ сварить въ честь киремети кому кашу, кому утку, гуся, барана и т. д., а за совѣтъ отъ больныхъ получала по денежкѣ (перъ окся).

Благодаря такимъ рассказамъ, распространяемымъ изъ личныхъ выгодъ ъмзьями, среди чувашъ и черемисъ укрѣпилась вѣра, что болѣзнь минуетъ, если принести въ жертву киремети указанное ъмзей животное. Въ жертву киреметямъ кромѣ перечисленныхъ птицъ и животныхъ приносятся всевозможныя произведенія домашняго хозяйства: хлѣбъ, вино, пиво, медъ, холстъ, полотенца, нитки, а также и деньги. По представленію чувашъ и черемисъ, подарки удерживаютъ на время киреметь отъ зла, но привлечь ее къ добру

не могутъ. Какъ только явится нужда въ новомъ приношеніи, киреметь возвращается и снова ломаетъ и мучитъ больного человѣка. Даже когда киреметь сыта, она можетъ дѣлать зло ради самого зла, потому что видѣ чужихъ страданій ее забавляетъ.

Когда у чувашина родится хорошо хлѣбъ, самъ онъ съ семьею здоровъ, нѣтъ болѣзни на домашнемъ скотѣ и всѣ желанія его исполняются, онъ не считаетъ себя обязаннымъ приносить жертву. Тоже самое и черемисинъ. Но случится какая нибудь бѣда или болѣзнь, они говорятъ: надо принести жертву, и идутъ—чуваша къ йѳмзѣ, а черемисы къ мужану, въ надеждѣ, что тѣ знаютъ цѣлебныя силы травъ; а главное знаются съ злыми духами и могутъ объяснить, какая киреметь заломала больного и чѣмъ можно отъ нея откупиться. Ворожеи обыкновенно долго отказываются гадать, чтобы заставить себя больше попросить, а иногда и для того, чтобы въ это время стороною что-либо разузнать о просителѣ. Гадаютъ неодинаково: одинъ гадаетъ на монетѣ, другой на шнуркѣ, третій на хлѣбѣ и т. д. Гадальщикъ, обыкновенно, садится за столъ, вынимаетъ изъ мѣшечка известную монету, свою или какую выпроситъ у своего посѣтителя, посмотреть на нее, потомъ потретъ ее, потомъ опять посмотреть и, наконецъ, объясняетъ причину, отъ которой страдаетъ больной. Онъ конечно ничего не знаетъ, но, пользуясь довѣрчивостью и простодушіемъ просителя, говоритъ что болѣзнь приключилась потому, что во время осеннихъ поминокъ не поминали умершихъ родныхъ, или же рѣшаетъ, что это дѣло рукъ такого то киремети и тутъ же назначаетъ что принести въ жертву ей изъ домашнихъ птицъ или скота. Если жертва киремети почему либо не можетъ быть сейчасъ принесена, дается обѣщаніе—сухъ принести ее въ ближайшемъ будущемъ. Разводится огонь на очагѣ. Произносится молитва съ соотвѣтствующимъ обѣщаніемъ. Говорится, напримѣръ, слѣдующее: „На горѣ живущій киреметь (Курук умбал киремет), если ты повредилъ больному, то вылѣчи его. Отъ имени его тебя прошу, съ серебряною монетою, мукою и медомъ тебя прошу, чтобы ты далъ ему облегченіе. А ты, огонь, передай киреметю, такъ какъ языкъ твой острый, дымъ длинный, чтобы онъ вылѣчилъ хвораго. Если будетъ облегченіе, то принесу тебѣ чернаго

барана“. При этомъ въ огонь бросаютъ немного муки и соли, немного же муки завязываютъ въ узелокъ изъ чистаго холста съ поларшина длиною и вѣшаютъ на вышкѣ дома или въ амбарѣ. При обѣщаніи пожертвовать теленка клали въ сукъ ту веревку или лямку, на которой водятъ тележка, а когда обѣщали барана, то въ сукъ клали его шерсть. Иногда въ знакъ обѣщанія вмѣсто узелка съ какимъ либо предметомъ втыкаютъ въ стѣну что либо острое, напр., серпъ, топоръ, или зарываютъ въ землю старый сошникъ. Дотронуться до этихъ вещей или вынуть ихъ значитъ навлечь на себя неминуемо кару. Только тогда, когда данное обѣщаніе исполнено, дозволяется убрать вещи, служившія знаками залога. Обѣщанія же эти обыкновенно исполняются при первой возможности. Но часто... Часто бываетъ такъ, что принесенная жертва не помогаетъ. Тогда снова обращаются къ ворожеямъ и, по совѣту ихъ, приносятъ новыя, болѣе цѣнныя жертвы или повторяютъ старыя. Иногда такимъ образомъ тратится совершенно бесполезно нѣсколько десятковъ рублей.

Жертвы киреметамъ различаются по степени своей цѣнности. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ указанія иѣмзей и мужановъ, а также отъ установившагося въ той или иной мѣстности обычая. У чувашъ наиболѣе почитается Аслѣ-киреть, главная киреть. Ей приносили жертвы цѣлыя околотки, когда какое-нибудь общее несчастье постигло ихъ. Чуть только явится повальная болѣзнь, захватитъ засуха, градъ, неурожай, или случится большой пожаръ, нѣсколько деревень собирались по приглашенію иѣмзей и приносили въ жертву лошадей, коровъ и овецъ непременно бѣлаго цвѣта. Кюмюль-Киреть, серебряная, которой приносились въ жертву деньги или же за неимѣніемъ ихъ, — благо она мало смыслить въ монетѣ, оловянные кружечки (тухланки) и нохратки при началѣ всякаго выгоднаго предпріятія въ предотвращеніе убытковъ. Чирешлавар-киреть (чиреш-ель) живетъ въ еловомъ лѣсу. Любитъ гусей, хотя не отказывается и отъ бѣлаго барана. Хѣрле—сир-киреть, отвнимающая плодородіе земли. Чтобы предотвратить пагубное вліяніе ея на поля, каждый чувашинъ долженъ былъ черезъ каждые пять лѣтъ приносить ей въ жертву жеребенка. Йываш-киреть, смиренная, не злая, довольствуется самымъ незначительнымъ приношеніемъ. Совершенную про-

тивоположность ей представляет злая и мстительная Хаар-киремель, отличающаяся своею непомерною жадностью и своими неотвязчивыми требованіями. Въ жертву ей приносили либо черную лошадь, либо черного быка, либо черную овцу, смотря по тяжести причиненной ею бѣды. Доставлять страданія людямъ для злобой Хаар-киремели — настоящее наслажденіе. Чувашинъ могъ заставить ее покарать своего недруга и обрушить на голову его всевозможныя скорби и бѣды. Для этого не нужно было даже жертвоприношеній. Стоило только явиться въ Хаар киремель и произнести соотвѣтствующія заклинанія.

У луговыхъ черемисъ Казанской губ. главными киремелями считаются Курук-кугу-йингъ и Кўвар-кугузай, а самымъ злымъ У—киремель. Курук-кугу-йингъ, горный большой человекъ, требуетъ себѣ жеребятъ, быка, утку, а также любить очень вино и сыченое пиво, которое черемисы и чуваша большіе мастера варить. Ставятъ ему еще восковую свѣчку. Кўвар-кугуза считается равнымъ съ Курук-кугу-йингъ киреметемъ и жертва ему бываетъ таже. За этими киремелями по своему достоинству и вредности слѣдуютъ У-киремель (новая киремель) и Курукетўр-киремель (киремель края горы). Имъ тоже жертвуютъ жеребенка, или бычка, медовое, и ставятъ свѣчку. Ял-ўмба-ч-коштшы киремелю жертвуютъ кулика, дятла, галку и голубей.

При всѣхъ указанныхъ киремеляхъ состоятъ докладчики для передачи имъ просьбъ, а также цѣлый штатъ родни и прислуги. Докладчикамъ жертвуютъ обыкновенно зимою зайца, а лѣтомъ утку или барана. Остальнымъ членамъ семьи и прислугѣ киремеля приносятъ большею частью жертвы общія съ киреметемъ. Общія жертвы приносились, напримѣръ, у горныхъ черемисъ Кюртю-водожи (желѣзному киремелю) и Кюрсир-водожи (лубковаго береза водожи) съ ихъ матерями, сыновьями и докладчиками, которые считались за одно семейство. Привошеніе имъ состояло изъ шести маленькихъ калачей, стоимостью по три коп. каждый, шести щуекъ или стерлядей и шести аргамаковъ, т. е. позолоченныхъ пряниковъ, сдѣланныхъ на подобіе лошади, а иногда съ изображеніемъ другой скотины или птицы.

Замѣчательно то, что и киремели въ послѣднее время стали поживать водочку, иначе сказать требовать себѣ уста-

ми йомзей и мужановъ вино. Рѣжутъ имъ, напримѣръ, барана или утку и при этихъ жертвахъ покупаютъ полуштофъ вина простого, наливки, рома и бальзама.

Списокъ киреметей и приносимыхъ имъ жертвъ здѣсь далеко не полонъ. Каждый изъ уѣздовъ, заселенныхъ чувашами и черемисами, имѣетъ своихъ киреметей и установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ имъ жертвы.

III.

Жертвы киреметямъ приносились дома или въ укромныхъ потаенныхъ мѣстахъ въ лѣсу, въ оврагахъ, въ пустынныхъ мѣстахъ, вдали отъ жилья. Тайственные лѣсные дебри чаще всего заселялись въ воображеніи суетѣрныхъ чувашъ и черемисъ киреметями. Съ увеличеніемъ населенія лѣса расчистили и мѣста для моленія киреметямъ остались среди распаханыхъ полей въ видѣ обособленныхъ рощъ. Размѣры священныхъ рощъ неодинаковы. Въ однихъ мѣстахъ это небольшія кучки деревьевъ, или даже кустарникъ на возвышенности холма, въ другихъ величавые парки, занимающіе по нѣскольку десятинъ. Самыя большія рощи сохранились на югѣ Иранскаго у. и въ Уржумскомъ уѣздѣ. Прѣзжая Канганурскую, Сернурскую, Ирмучашскую и Турекскую волости, путешественникъ будетъ видѣть кругомъ себя на склонахъ овраговъ, перерѣзывающихъ мѣстность, цѣлыя десятки величавыхъ рощъ. Священные рощи неприкосновенны. Гдѣ позволяютъ обстоятельства, онѣ огорожены заборомъ и имѣютъ ворота, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кромѣ того назначается для охраненія ихъ особые сторожа. Сторожъ, или какъ называютъ его чуваша керемеч-кюдювзе, пастухъ, оберегатель киремети, содержитъ рощу въ чистотѣ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто не рубилъ деревьевъ въ священной рощѣ, не косилъ травы, не бралъ денегъ, принадлежащихъ киремети, не ловилъ рыбы въ ея рѣкахъ и озерахъ и т. д. Но гораздо больше, чѣмъ заборы и сторожа, сохраняетъ въ неприкосновенности жертвенныя рощи гнѣвъ божества и мсть поклонниковъ. Чуваша и черемисы крѣпко убѣждены, что расхищеніе собственности раздражаетъ киреметь и она мститъ за поруганіе святыни ближайшимъ въ ней жителямъ разнаго рода несчастіями и болѣзнями. Оттого такъ зорко слѣдятъ, чтобы никто не касался до-

стоянія киремети и строго запрещаютъ брать что либо изъ принадлежащихъ ей вещей. Искупительная жертва, которую приносятъ черемисы въ томъ случаѣ, если святыня рощи оскорблена, а оскорбитель неизвѣстенъ, показываетъ, что должно ждать его, если его задержать на мѣстѣ преступленія. Въ рощу приносятъ живого гуся или курицу, вырѣзываютъ у птицы задъ и замучиваютъ ее до смерти. Мертвую птицу ощипываютъ, варятъ въ котлѣ и бросаютъ съ прѣсными лепешками въ огонь, призывая на виновнаго мечь божества:—кто срубилъ это дерево, того найди и предай смерти, какъ эту птицу.

Чуваши и черемисы не любятъ открывать постороннимъ мѣсто жительства киремети. Не смотря на это, узнать мѣстожительство киремети не такъ трудно. Во всякой киремети можно встрѣтить пепель отъ сожженныхъ костей животныхъ, найти мѣдныя деньги, мелкое серебро, жетоны (нохрат, мамала), восковыя свѣчи, холстъ, полотенца, которые приносятъ въ даръ киремети. Если киреметь находится въ лѣсу, то на деревьяхъ висятъ обыкновенно лошадиныя черепа. Мѣстопребываніе киремети также называется киреметью, съ присовокупленіемъ иногда собственного имени киремети, иногда деревни, смежной ея удѣлу, или урочища, на которомъ она поселилась. Такъ, напримѣръ, у чувашъ есть общая съ черемисами Макар-киреметь, названная по имени кулака Макара, по смети превратившагося въ киреметь. Такова же у луговыхъ черемисъ Яуш (Яковъ)—киреметь, названная по имени разбойника киремети. Мѣсть съ собственными именами киремети очень много. Старинный обычай хоронить важныхъ сановныхъ инородцевъ внѣ кладбища, на особыхъ мѣстахъ, указанныхъ ими въ устномъ завѣщаніи, устранный внослѣдствіи закономъ, послужилъ причиною появленія киреметей на мѣстахъ вольныхъ и невольныхъ единичныхъ погребеній умершихъ. Одинокія могилы въ лѣсу, равнымъ образомъ какъ и забытыя кладбища, устраиваемыя обычно при рощахъ, древнія покнутыя городища, курганы и мѣста старыхъ заброшенныхъ селеній—превратились въ киремети. Въ трехъ верстахъ отъ села Шуматова въ Ядринскомъ уѣздѣ находился до 50 годовъ прошлаго столѣтія вязъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ поп хорамы—поповскій вязъ. На вязу этомъ во время пуга-

чевскаго бунта было повѣшено два человѣка изъ шуматовскаго духовенства. Въ полуверстѣ отъ вяза на юго-западъ стоялъ дубъ, на которомъ повѣшено было нѣсколько человѣкъ. Въ такомъ же разстояніи отъ него на юго-востокъ стоялъ другой дубъ и на немъ также повѣшено было мятежниками нѣсколько человѣкъ, привезенныхъ изъ разныхъ мѣстъ; всѣхъ же повѣшенныхъ, по преданію, было 32 человѣка. Тѣла повѣшенныхъ погребены были около послѣдняго дуба, гдѣ и по сіе время имѣется стоябикъ въ видѣ часовни. Дубы, какъ и вязъ, не существуютъ; но народъ мѣста, гдѣ они стояли, знаетъ хорошо и до сихъ поръ бросаетъ къ пенькамъ восковыя свѣчи и мѣдныя деньги, особенно у перваго дуба. (В. Магнитскій. Село Шуматово и его приходъ. Каз. губ. вѣдом. 1870 г. № 43).

Въ названіяхъ киреметей сохранились имена присвоенныхъ имъ урочищъ. Такъ Кивъ-сорт-киреметь въ переводѣ обозначаетъ—въ старомъ жилищѣ киреметь; Хорат-киреметь, — на черной горѣ киреметь; Шар-чол-киреметь, — киреметь бѣлаго камня¹⁾. Съ именамъ Хирь-тиш киремети соединяется романтическая исторія объ одномъ чувашскомъ парнѣ, засыпанномъ живьемъ въ землю дѣвушками при урочищѣ Хиртип (Хёр-тѣп).

Изъ названій деревень, присвоенныхъ киремети, можно указать Сорым-киреметь (Сорминская киреметь), названную по имени деревни Сорым, находящейся въ Цивильскомъ уѣздѣ, Казанской губ., на Шихазанскомъ трактѣ, и Мижуль-киреметь, названную по имени деревни Мижуль Чебоксарскаго уѣзда. Чаще всего однако въ названіяхъ киремети встрѣчаются указанія на лѣсныя мѣстности и рощи, причѣмъ указываются иногда и породы деревьевъ, изъ которыхъ состоитъ священная роща²⁾.

¹⁾ Таковы же чувашскія названія: Вурум-ой-киреметь, на длинномъ полѣ киреметь; Вырлы-киреметь, Шинерь-киреметь—киремети при рѣкахъ Вылѣ и Шинери; Атѣл-синчи—находящійся при Волгѣ; Тарѣн-вар—находящійся въ глубокомъ оврагѣ и другія, а также черемисскія: курук-тѣр—киреметь (края горы), яр-водож (озерный киреметь), икса-киреметь (киреметь канавы воды) и др.

²⁾ Таковы чувашскія названія:
Вѣр-ман киреметь— лѣсная киреметь,

Урочища, извѣстныя у чувашъ и черемись съ именемъ киремети, не всегда служатъ мѣстожителемъ киремети. Большая часть ихъ обозначаетъ неприкосновенное, святое мѣсто, гдѣ молятся только тогда, когда нѣтъ времени ѣхать въ мѣсто пребыванія самой киремети. На такихъ урочищахъ живетъ только духъ жертвы „чук“, котораго чуваша просятъ въ молитвѣ о помилованіи: чуе събрахъ (духъ жертвы помилуй) и считаютъ посредникомъ между собою и киреметами.

IV

Горе и нужда могутъ посѣтить и одного человѣка, и вдругъ, за одинъ разъ, цѣлую тысячу людей и болѣе. По этому и жертвы киреметямъ приносились то однимъ человѣкомъ или однимъ семействомъ, то цѣлой деревней, а иногда отъ нѣсколькихъ деревень вмѣстѣ. Въ семейныхъ жертвоприношеніяхъ животныхъ закалываютъ въ домѣ, около ростущаго на дворѣ дерева или въ огородѣ, старшіе въ семьѣ, въ случаяхъ общественныхъ жертвоприношеній жертвы приносили на мѣстѣ жительства киремети, въ оврагахъ и лѣсахъ, старики, пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ въ народѣ.

Принесеніе жертвы сопровождается разными обрядами и моленіями. Такъ жертвенное животное подвергаютъ предварительному испытанію, чтобы узнать, угодно оно или не угодно киремети. Избранное животное колютъ, обернувшись лицомъ на востокъ и въ шапкѣ. Жертва приносится всегда потихоньку отъ христіанъ. Встрѣча съ ними на мѣстѣ жертвоприношенія является одной изъ причинъ бездѣйствія жертвы, приносимой киреметямъ. Ко времени принесенія жертвы варятъ пиво, чтобы торжествовать принятіе жертвы киреметью, для которой она приносится. Пиво для киреметнаго торжества варится въ особой посудѣ, которая не употребляется въ домашнемъ быту для другихъ случаевъ, но

-
- Роца-киреметь— киреметь роши,
  - Сѣка-киреметь— липовая киреметь,
  - Хорама киреметь— вязовая киреметь,
  - Хорѣнлѣх-киреметь— киреметь въ березовой роцѣ.

Названія эти несомнѣнно указываютъ на мѣстопребываніе киремети въ вязовой, липовой, березовой роцѣ.

хринится въ потаенныхъ мѣстахъ. Мясо жервеннаго животнаго варится въ котлѣ, кости и все несѣдбное сжигается; кожа иногда оставляется, иногда сжигается. Лошадныя головы всегда остаются на мѣстѣ жертвоприношенія.

Съ молитвеннымъ прошеніемъ къ киремети обращаются предъ закланіемъ животнаго (причемъ просятъ ее принять съ лаской и любовью приносимые дары) и въ то время, когда мясо варится въ котлѣ; въ послѣднемъ случаѣ содержаніе молитвы составляютъ просьбы объ избавленіи отъ постигшей человѣка бѣды, или болѣзни. Въ молитвахъ точно перечисляются какъ сами жертвователи, такъ и все приносимое ими. Не довѣряя вполнѣ киреметямъ, язычники считаютъ ихъ способными потребовать отъ человѣка новой жертвы подѣ предлогомъ, что они ѣли и пили, не зная, кто предлагаетъ имъ угощеніе.

Общія жертвоприношенія имѣютъ свои особенности. Существуютъ они не повсемѣстно. У луговыхъ черемисъ, напр., какъ говоритъ священникъ Яковлевъ, ихъ совсѣмъ нѣтъ. И у чувашъ они рѣдки. Развѣ уже какая нибудь большая бѣда придетъ и посѣтитъ сразу нѣсколько деревень, то они соберутся вмѣстѣ и молятъ главную киреметь отъ избавленія отъ бѣдствія. Въ случаяхъ общественнаго моленія заранѣе назначается мѣсто и время жертвоприношенія. Появится, напр., засуха, угрожающая голодомъ, моръ на людей, или скотскій падежъ, старики изъ окрестныхъ деревень собираются вмѣстѣ и, по указанію іомзи или мужава, рѣшаютъ, какихъ киреметей надо молить, какого скота купить для жертвы, сколько пива и меда сварить, гдѣ и когда устроить самое моленье. Жертвенный скотъ,—быки, телята, бараны и прочія принадлежности жертвоприношенія покупаются на деньги, которыя собираются со всѣхъ участниковъ по предварительной раскладкѣ.

Наканунѣ общаго жертвоприношенія всѣ участника его моются въ банѣ и надѣваютъ бѣлыя рубахи. Съ восходомъ солнца приводятъ всю скотину, назначенную для закланія, въ определенное заранѣе мѣсто и привязываютъ къ деревьямъ. Сюда же приносятъ котлы, бураки съ пивомъ и медомъ и стекается народъ, одѣтый въ чистое лучшее платье. На мѣстѣ жертвоприношенія ставятъ столъ, на который кладутъ ножи, хлѣбъ, соль, ведро съ водой и ковшъ.

Тутъ всё начинаютъ молится на востокъ. Послѣ молитвы подводятъ къ столу быка. Всѣ съ загаенныхъ дыхань-емъ слѣдятъ, какъ иѡмзя (у черемись картъ) черпаетъ воду ковшомъ изъ ведра и льетъ на спину быка. Если быкъ встрепенется, его тотчасъ заколаютъ, если нѣтъ, опять молятся, что бы киреметь приняла жертву, и снова льютъ воду на спину быка и продолжаютъ дѣлать это, пока быкъ не вздрогнетъ, что и служить знакомъ принятія жертвы. Также поступаютъ и съ другой скотиной и даже съ птицей. Случается такъ, что быкъ или баранъ не вздрагиваютъ. Такихъ не заколаютъ для моленія. Скотину колотъ опытные, знающіе люди, которые являются помощниками стариковъ картовъ при общемъ жертвоприношеніи. Когда весь скотъ заколотъ, подвѣшиваютъ котлы, раскладываютъ огонь, мясо отдѣляютъ отъ кожи и костей и начинаютъ варить. Пока мясо варится, старики снова произносятъ вслухъ собравшагося народа молитвы киреметямъ, а киреметь съ своимъ семействомъ, по языческому вѣрованію, спускается и воспринимаетъ жертву среди клубящагося дыма и пара, поднимающагося изъ котловъ. Во время молитвъ зажигаютъ свѣчи; всѣ стоятъ колѣнопреклонные и повторяютъ про себя молитвы, произносимыя стариками, такъ что въ лѣсу стоитъ гулъ отъ человѣческихъ голосовъ. По своей формѣ молитвы всегда разнообразятся, но содержаніе ихъ одинаково. Киреметь просятъ избавить народъ отъ постигшаго его бѣдствія, прекратить засуху или повальную болѣзнь, и въ будущемъ времени избавить людей отъ голода, мора, всякой нужды и недостатка, пчель и домашній скотъ отъ убыли, глубокой грязи, отъ медвѣдей, волковъ и отъ воровъ. По окончаніи молитвы свѣчи тушатся; сваренное мясо рѣжутъ на куски, отдѣляя отъ нихъ небольшія части для киремети. Мясо, отдѣленное для киремети, кости, внутренности, иногда и кожа тутъ же сжигаются. Послѣ чего начинается настоящее пиршество, во время котораго все сваренное мясо стѣдаютъ, запивая его пивомъ и медомъ, а иногда и простою водкой. Женщины не участвуютъ ни въ общемъ моленѣ, ни въ пиршествѣ. Онѣ, обыкновенно, собираютъ дрова для жертвоприношенія, а по окончаніи его — остатки жертвеннаго мяса, которое бережно, какъ святыню, несутъ домой больнымъ. Карты и ихъ помощники получа-

ють въ вознагражденіе за свои труды деньги, медь, хлѣбъ, воскъ, холстъ и все, что каждый изъ молящихся можетъ дать имъ по своему состоянію.

Такое моленіе совершается ежегодно у чувашъ деревни Сорымъ Чебоксарскаго уѣзда. Въ честь Сорым-киремечи въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ почти въ каждой деревнѣ собирается особо назначенными сборщиками мука, крупа, хмѣль, всевозможные принасы и деньги. Изъ собраннаго матеріала варится пиво, покупается водка, медъ и лакомства, собирается въ назначенный день въ каждой деревнѣ сборище и дѣлаютъ празднество въ честь Сорым-киремечи, которую просятъ въ это время, чтобы она не допустила града, несвоевременныхъ для хлѣба дождей и вообще способствовала бы урожаю всѣхъ плодовъ и хранила бы отъ разныхъ напастей. Черезъ два или три года бываетъ главное моленіе Сорым-киремечи. Еще извѣстно мѣсто по рѣкѣ Шинерь, вблизи села Абашева, подъ названіемъ Шинерь-киремечи. Къ этому мѣсту собирается народъ изъ разныхъ обществъ и здѣсь рѣжутъ трехгодовалого жеребца, варятъ его и ѣдятъ во имя киремечи въ лѣсу, въ оврагѣ, ночью.

Какъ на отступленіе отъ общихъ правилъ, можно указать на жертвоприношеніе въ случаѣ опасной болѣзни. Жертву въ этомъ случаѣ подвергаютъ мучительной смерти: привязываютъ къ веревкѣ и гоняютъ вокругъ дерева, нанося ей удары ножомъ со всѣхъ сторонъ, пока она не свалится. Полагаютъ, что истязанія животного доставляютъ особенное удовольствіе злобной киремечи. Къ нимъ по этому прибѣгаютъ также въ случаяхъ особенной нужды, когда бѣдствіе постигаетъ всю деревню и необходимо особенно задобрить киремечу, чтобы избавиться отъ угрожающей всѣмъ бѣды. Въ случаѣ конскаго падежа жертву сжигаютъ живой, обладая ея сухимъ лѣсомъ.

Сбоеву удалось видѣть лично заклинаніе Хаар-киремечи безъ всякаго жертвеннаго приношенія. Заклинатель чувашинъ вышелъ на небольшую поляну, сбросилъ съ головы шляпу и грянулея оземь, произнося вполголоса какую то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясался, скинулъ рукавицы, кафтанъ, рубашку, снялъ съ ногъ лапти и онучи и остался, въ чемъ мать родила. Нѣсколько времени онъ со-

вершено нагой стоялъ и шепталъ что-то про себя, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головою. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, провзительнымъ, раздражающимъ душу голосомъ: Хаяр-киреметь!.. т. е. злая киремень, лихая киремень, услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его! Произнося эти слова, онъ рвалъ на себѣ волосы, валялся по землѣ, кувыркался, руками и зубами рылъ землю, судоржно корчилъ руки и ноги, скрежеталъ зубами. Этотъ дикій вой, это кувырканіе, эти заклинанія продолжались съ полчаса времени. Чувашинъ пришелъ, повидимому, въ изступленіе. Глаза его налились кровію и сверкали, какъ уголья пѣна клубомъ билась изо рта; волосы на головѣ и бородѣ были всклокочены и осыпаны землею; лицо, руки, ноги и вообще все тѣло испарано до крови и покрыто пылью и грязью. Окончивъ заклинанія, Казык (имя чувашина) всталъ, опять что то прошепталъ, поклонился въ поясъ па востокъ и, поспѣшно надѣвъ на себя рубашку и обувшись въ лапти, захватилъ всю остальную свою одежду и стремяглавъ бросился изъ лѣсу ¹⁾).

Заклинаніе, описанное Сбоевымъ, поясняетъ нѣсколько характеръ чувашъ, который дѣлается при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при сознаніи своего безсилія злостнымъ и мстительнымъ и обнаруживаетъ полную готовность воспользоваться услугами злой киремети, чтобы наказать своего врага, навлечь на него всякія несчастія и даже смерть.

Между г. Чебоксарами и с. Ишаками протекаетъ рѣка Ершу, на которой стоитъ деревня Моська-кассы. Близъ деревни есть лѣсъ подъ горой и родникъ, считающійся мѣстопребываніемъ киремети. Если чуваша имѣютъ между собою вражду, то одинъ изъ нихъ старается у своего противника оторвать кусочекъ отъ какой-нибудь вещи и, завязавъ въ оторванный кусокъ камень, бросаетъ въ родникъ, чтобы киремень мстила тому лицу и наводила на него болѣзни и корчи. Въ этотъ же родникъ въ видѣ приношенія киремети пускается обыкновенно щука, хотя и неживая: если даже кому не удастся достать большой щуки, тотъ покупаетъ хотя голову большой щуки и эту голову бросаетъ въ родникъ. По народному вѣрованію, щука пускается для того,

---

¹⁾ Сбоевъ, стр. 116.

что она можетъ вытащить всѣ враждебно оторванные кусочки отъ вещей и брошенные съ камнями въ воду, чѣмъ прекращаются наводимыя киреметью скорби.

V.

Въ религіозныя вѣрованія чувашъ и черемисъ внесли много измѣненій татары и русскіе. Татарское вліяніе сказалось какъ въ самомъ названіи божествъ, заимствованномъ черемисами изъ татарскаго языка, такъ и въ представленіи о самыхъ божествахъ и ихъ образѣ жизни, заимствованномъ чувашами и черемисами изъ татарской жизни. Жизненная обстановка киреметей воспроизведена была по образцу обстановки тюркскихъ хановъ. По представленію чувашъ и черемисъ, киреметь являлась полновластной властительницею въ своемъ удѣлѣ. Смутное и неясное чувство страха, испытываемаго обычно необразованными людьми предъ грозными и разрушительными явленіями природы, приняло у нихъ опредѣленныя очертанія человѣческаго образа. Киреметь въ воображеніи полудикихъ язычниковъ, поработенныхъ болѣе богатымъ и образованнымъ народомъ, приняла видъ восточнаго деспота, окруженнаго толпою подобострастныхъ слугъ. У бѣдной чувашской киремети, показавшейся на свѣтъ Божій изъ грязной и закопѣлой чувашской избы появился цѣлый штатъ придворныхъ, состоящій изъ слѣдующихъ лицъ: мун-киреметь-увынче, предстоящій лицу великой киремети, мун-киреметь - пюлохс, вѣстникъ ея, мун-киреметь-пуче, отворяющій двери жилища киремети, мун-киреметь-кѣбе, посланникъ киремети, мун - киреметь-хаар, прислужникъ киремети, мун-киреметь-тибери, уборщикъ жилища киремети. Въ соотвѣтствіе такому многочисленному штату само злое начало, какъ видно изъ приведенныхъ названій, величается мун-киреметью, т. е. главою, властительницею, повелительницею киремети. Тоже видимъ и у черемисъ. Въ штатѣ Курук-кугу-йынгъа, напр., черемисы Красноуф. уѣзда, Пермской губерніи, считаютъ пять лицъ. Всѣ эти служебныя лица, какъ и главная киреметь, которой они служатъ, требуютъ себѣ особыхъ жертвъ. Ужедыш—развѣдчикъ и Аш—поварь довольствуются курицею. Озырен—палачу приносятъ въ жертву пѣтуха. Пошкыртшэ—башкиринъ требуетъ въ жертву однолѣтнаго возла, Мартшэ—

служанка башкирина—однолѣтнюю козу. (Извѣст. Оренб. Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ. вып. 6-й стр. 29)

Для пущей важности какъ мун киреметь, такъ и ея вѣстникъ, полюхс, имѣють еще матерей.

Магометанское вліяніе сказалось въ появленіи піамбаровъ-пророковъ, превратившихся мѣстами въ киреметей, какъ, на примѣръ, у черемисъ-Курукъ-піамбар, которому въ жертву приносятъ быка, а также въ празднованіи дня пятницы. У Магнитскаго есть указаніе на общественное жертвоприношеніе киремети, устраиваемое въ видѣ годичнаго праздничнаго торжества въ деревнѣ Киткеевѣ и именно въ пятницу ¹⁾. За недѣлю до наступленія годичной пятницы, житель этой деревни воштанъ Иванъ, владѣвшій киреметной землей, ходилъ по деревнѣ, объявляя: „дверь киремети отворяется въ пятницу. Съ пивомъ, виномъ, хлѣбомъ и деньгами приходите“... Далѣе шелъ полный перечень вещей, съ которыми жители деревни являлись въ пятницу на поклонъ киремети, причемъ послѣ общаго моленія, начиналась общая же псояка.

Большое вліяніе на религіозныя воззрѣнія чувашъ и черемисъ имѣють и русскіе. Тѣ религіозныя понятія, которыя унаслѣдовалъ чувашинъ и черемисинъ отъ своихъ предковъ, они вносятъ и въ христіанство. Въ новой религіи они находятъ множество умершихъ, которые приобрѣли могущественное вліяніе на жизнь людей и, по народнымъ представленіямъ, также карають иногда болѣзною и смертью. На этихъ умершихъ они перенесли тѣ воззрѣнія, которыя унаслѣдовали относительно вадышей, киреметей. Наиболѣе язычествующіе черемисы прямо отождествляютъ нѣкоторыя иконы и изображенныхъ на нихъ святыхъ съ опредѣленными вадышами: Кюртюню-вадышъ, напр., обратился въ Михаила Архангела, Епрем-Кугузя въ Касьяна „Немилостиваго“. Большую икону нерукотвореннаго образа Спасителя, при дорогѣ, у колокольной Кизическаго монастыря, черемисы принимаютъ за изображеніе киремети Курукъ-кугу-йынгъ а (горнаго большого человѣка). А потому и въ своемъ сельскомъ храмѣ черемисинъ частенько спрашиваетъ, гдѣ Курукъ-кугу-йынгъ? У чувашъ икона получила названіе углаваго бога.

¹⁾ Матеріалы къ объясненію старой чуваш. вѣры стр. 8.

Послѣ моленія своимъ языческимъ богамъ, они молятся и иконѣ, причемъ говорятъ, нужно теперь помолится и угловому богу. Считаая икону самимъ божествомъ, иногда обращиваютъ ее изображеніемъ въ уголь, чтобы она не видѣла, напримѣръ, какъ чуваша ѣдятъ въ постъ скоромную пищу.

Къ чтимымъ мѣстнымъ русскимъ иконамъ направляютъ чуваша сами иѣмзи, такъ же какъ и черемисы ихъ мужаны, когда собственные боги оказываются безсильными помочь бѣдѣ. Некрещенные черемисы во время болѣзни прибѣгаютъ съ молитвой къ святителю Николаю, Варсонофію и Казанской Божіей Матери. Въ село Николо-Березовку Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, на Камѣ приносятъ въ іюлѣ изъ Сарапула икону Николая Чудотворца. Служить молебны этой иконѣ стекаются черемисы язычники изъ Бирскаго и Елабужскаго уѣздовъ.

Языческое воззрѣніе молящагося на икону очевидно изъ жертвы, которая приносится святому рядомъ съ молитвой. Некрещенные черемисы въ честь св. Николая, св. Варсонофія и Казанской иконы Божіей Матери колютъ жеребять въ лѣсу и на домахъ, мясо ихъ варятъ и съѣдаютъ, а кости и кожу сжигаютъ. Около часовенокъ, которыя ставятся обычно на перекресткахъ и распутіяхъ дорогъ, можно нерѣдко видѣть слѣды языческихъ жертвоприношеній въ видѣ лоскутковъ и обрывковъ бумаги, въ которыя завернуты были свѣчи и мелкія монетки, кусочки хлѣба и т. п. вещи. Въ Ядринскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кильдишѣ, была чтимая всѣми икона. Стояла она на одномъ дворѣ, на яблонѣ, послѣ на заборѣ. Чуваша пазывали ее Матпы-тора, т. е. Матвѣева икона. „Деревенскіе крестьяне, писалъ Магнитскому чувашинъ Матвѣй Кузьминъ, одно время смаялись съ нею, кто калача бросить, кто свѣчку нестеть ставить, кто яйца нестеть, хлѣба, муки, кто денегъ и проч.“¹⁾

Крещенные черемисы стараются расположить къ себѣ изображеннаго на иконѣ святаго болѣе или менѣе цѣнными жертвами, напр., свѣчами въ четверть фунта и болѣе. Чтобы не обидѣть и другихъ, менѣе чтимыхъ, святыхъ, ставятъ и имъ всѣмъ по свѣчѣ. Конечно, такое усердіе къ храму, обходилось бы имъ каждый разъ дорого. Но въ продажѣ

---

¹⁾ Изъ рукописей Магнитскаго. Сообщилъ Н. В. Никольскій.

существуют тоненькія, тоненькія свѣчки, которыя чуваша и черемисы покупаютъ въ свѣчныхъ лавкахъ прямо фунтами. Свѣчи, заимствованныя у христіанъ, замѣняютъ въ этомъ случаѣ языческую жертву. Въмѣсто того, чтобы сжигать ее киремети въ рошѣ или дома, черемисинъ сжигаетъ ее въ христіанскомъ храмѣ. — Поставъ свѣчу вотъ этому вадышу, просить онъ иногда своего земляка въ церкви. Свѣчи, впрочемъ зажигаются и въ рощахъ при совершеніи языческихъ моленій, причемъ черемисы — карты Уржумскаго уѣзда, совершая языческой обрядъ, даже крестатся.

Установивши тождество между отдѣльными иконами и изображенными на нихъ святыми и своими киреметями, язычникъ черемисинъ, или чувашинъ обращается къ христіанскимъ святымъ съ тѣми же требованіями, что и къ киреметямъ. Онъ проситъ ихъ не только спастись отъ болѣзней и напастей, но и мстить его врагамъ. Послѣ того, какъ та или другая киреметь осталась глуха къ мольбамъ черемисина и оставила неприкосновеннымъ его врага, черемисинъ идетъ въ церковь и молить христіанскаго святого наказать его врага. „Проникнуть въ душу человѣка, исполняющаго обрядовую сторону религіи, говорить по этому поводу И. Н. Смирновъ, — трудно и, вѣроятно, есть не мало священниковъ, которые съ радостью смотрятъ на черемисина, когда онъ усердно молится передъ иконой, не подозрѣвая, какъ далеки отъ христіанства тѣ молитвы, которыя онъ шепчетъ“... ¹⁾

Христіанство внесло цѣльность и единство въ неясныя и сбивчивыя представленія язычниковъ о киреметяхъ. Подъ влияніемъ его явились попытки объединить все множество отдѣльных киреметей въ одномъ главномъ киреметѣ, братѣ или сынѣ верховнаго Бога (юма, тора), о которомъ сообщаютъ позднѣйшія чувашскія и черемисскія легенды ²⁾. Но оно

¹⁾ И. Н. Смирновъ. Черемисы. Стр. 172.

²⁾ По позднѣйшимъ чувашскимъ рассказамъ, киреметь есть старшій сынъ верховнаго Бога, разъѣзжавшій на колесницѣ по землѣ, водворявшій всюду довольство, но убитый людьми и за то озлобленный на нихъ. По черемисскимъ, киреметь — младшій братъ юмы, за гордость свергнутый съ небесъ. При сотвореніи міра и человѣка, киреметь испортилъ твореніе юмы. До сотворенія суши киреметь плавалъ по водѣ въ видѣ селезня. По приказанію юмы онъ досталъ со дна

же подорвало въ корнѣ языческія вѣрованія въ киреметей, которыхъ крѣпко держались чуваши и черемисы со времени сѣдой старины. Началось съ того, что русскіе, поселившіеся среди чувашъ и черемисъ, не только не выказали никакой боязни передъ вымышленными киреметями, но стали смѣяться надъ ложно внушаемымъ ими страхомъ и принялись, по распоряженію правительства, а иногда и по собственному почину, вырубать священныя рощи. Когда русскіе въ первый разъ вырубали киремети, чуваши и черемисы съ ужасомъ смотрѣли на оскорбленіе святыни и были увѣрены, что боги сами накажутъ дерзкихъ оскорбителей святыни. Но когда киремети были вырублены, а оскорбители остались цѣлы и невредимы, то вѣра въ ихъ неприкосновенность и въ существованіе самихъ киреметей поколебалась въ самомъ основаніи. Вѣра въ киреметей ослабла и доживаетъ свои послѣдніе дни. Частныя жертвоприношенія становятся рѣже и незначительнѣе, за частными оскудѣваютъ и общественныя. Недостатокъ средствъ заставляеть язычниковъ быть расчетливѣе въ дорого стоящихъ жертвахъ.

Деньги при жертвоприношеніи у чувашъ замѣняются нахратками (арабское нузрат—серебряныя деньги),—такъ называются кружечки, сдѣланныя изъ оѣлой жести и листовой мѣди, и тухлавками, такими же кружечками, сдѣланными изъ олова. Сдѣланныя изъ жести замѣняютъ серебро, а мѣдныя—золото. Обманъ этотъ употребляется, между прочимъ, и потому, что нѣмзи угадывающіе, какаѣ именно киреметь заломала чувашина, назначаютъ для умилоствленія еѣ такую сумму, какою иной чувашинъ не можетъ имѣть во всю жизнь. Чтобы выйти съ достоинствомъ изъ затруднительнаго положенія, нѣмзи назначаютъ также иногда такое количество жертвенныхъ приношеній, каково чувашинъ не въ состояніи купить. Назначаетъ, напр., нѣмзя для умилоствленія киремети 12 четвертей вина. У чувашина денегъ нѣтъ или жалко тратить много, онъ и придумываетъ, чѣмъ бы замѣнить дорого стоящую жертву, только такъ, чтобы киреметь обмана не

воды землю, но отдалъ еѣ брату не всю, а удержанную во рту выплюнулъ послѣ на сушу. Изъ нея образовались на землѣ горы, затрудняющія передвиженіе людей. Сотвореннаго чело-вѣка киреметь, улучивъ моментъ, охаркалъ съ головы до ногъ, отчего явились у людей болѣзни.

замѣтила. Послѣ нѣкотораго размышленія онъ беретъ пустую четвертную бутылъ, идетъ съ нею въ питейный и смущенно начинаетъ просить сидѣльца отпустить ему 12 шкаликовъ, но только изъ разныхъ посудъ и не смогрѣть, что онъ будетъ съ ними дѣлать. Со стороны сидѣльца отказа въ просьбѣ не бываетъ. И вотъ сидѣлецъ начинаетъ подавать чувашину шкалики, а онъ, вливая ихъ въ бутылъ, приговариваетъ: вотъ тебѣ, киреметь, четверть, помилуй! Вотъ тебѣ другая и т. д. Также происходитъ замѣна цѣлаго животнаго отдѣльными частями или фигурками, выточенными изъ дерева, изъ камня, вылѣпленными изъ глины и даже выпеченными изъ пряничнаго тѣста въ формѣ лошади, быка, овцы или какой нибудь птицы ¹⁾.

Въ этомъ видѣ жертва представляетъ по своей сущности и по способамъ принесенія обильный матеріалъ для насмѣшекъ. Священникъ Яковлевъ изъ черемись передаетъ случай изъ своего дѣтства, когда его отецъ, по совѣту ворожеекъ, купилъ на базарѣ у мясника три телячьи головы, съ ними ноги и сердце ихъ, и пожертвовалъ ихъ вмѣсто живыхъ телятъ киреметямъ. Онъ развелъ костеръ, положилъ головы по порядку и, стоя на колѣняхъ, началъ умолять киреметей, чтобы онѣ съ любовью и лаской приняли ихъ, а потомъ, какъ живыхъ, поливалъ ихъ водой, чтобы встrepенулись въ знакъ принятія ихъ киреметями; затѣмъ, стоя на колѣняхъ и положивши нѣсколько поклоновъ, взялъ своею рукою и потрясъ каждую изъ головъ со словами: „тау, тау, тау, ырзялтарышта!“ Спасибо, спасибо, спасибо, что заставили встrepенуться. Наблюдавшему всю эту сцену мальчику дѣйствія его отца, который обманывалъ киреметя, какъ глупого ребенка, показались до того смѣшными, что онъ расхохотался безъ удержу, такъ что не могъ говорить отъ смѣха ²⁾. Сцена эта дѣйствительно смѣшна для посто-

---

¹⁾ По сообщенію одного учителя Ядринскаго уѣзда, ученики изъ его школы нашли въ полѣ, въ травѣ около пенъка, деревянныхъ лошадокъ. Стоять всѣ привязанныя къ маленькимъ колышкамъ, а одна кромѣ того запряжена въ игрушечныя санки. Въ маленькія телѣжки или санки запрягаютъ иногда живыхъ утокъ или куръ и пускаютъ къ киреметъ.

²⁾ Религіозн. обряды черемись, стр. 83.

роннаго наблюдателя. Но сами черемисы и даже карты ихъ не въ состояніи объяснить тотъ обманъ, который широко употребляется въ настоящее время по отношенію къ киреметямъ во время жертвоприношеній.

Языческую вѣру поддерживаютъ въ семьяхъ старики которые боятся, что съ русской вѣрой погибнетъ ихъ народность, и говорятъ обыкновенно: нашу вѣру кончатъ, насъ кончатъ. Въ обществѣ поддерживаютъ страхъ предъ киреметями изъ корыстныхъ соображеній иѣмзи и мужаны,—не стѣсняющіеся запугивать невѣжественный народъ угрозой всевозможныхъ бѣдъ и болѣзней отъ киреметей. Но теперь на борьбу съ ними выступила христіанская школа, въ которой воспитывается подрастающее поколѣніе, и христіанская проповѣдь на родномъ языкѣ.

Въ послѣднее время, съ распространеніемъ грамотности по деревнямъ, съ распространеніемъ здоровыхъ христіанскихъ понятій въ средѣ чувашскаго и черемисскаго населенія, замѣчается полное исчезновеніе языческой вѣры въ киреметей среди молодого поколѣнія, воспитаннаго на новыхъ началахъ. Молодежь не только не вѣритъ въ киреметей, но и не считаетъ нужнымъ опасаться со стороны ихъ обнаруженія какого либо гнѣва или мести за свое невѣріе. О Гавріилѣ Яковлевѣ, природный черемисинъ, передаетъ изъ своего дѣтства знаменательный случай, когда онъ, вопреки желанію отца, отказался участвовать въ жертвоприношеніи киреметямъ. Ему было около чегырнадцати лѣтъ. Родители его держались еще языческой вѣры, а самъ онъ посѣщалъ церковь, слушалъ Евангеліе и наставленіе отъ крестьянина изъ черемисъ Андрея Кирилловича. Однажды заболѣлъ у него братъ. Родители рѣшили, по совѣту ворожей, принести жертвы киреметямъ, наславшихъ болѣзни. Жертвенныя животныя были готовы и нужно было для сожиганія ихъ идти въ оврагъ. Дровъ нести было некому. Отецъ велѣлъ нести дрова мнѣ, говорить о. Гавріилъ, но я не хотѣлъ идти, отговариваясь, что не буду поклоняться киреметямъ, потому что они бѣсы, не понесу дровъ и не пойду.

Одинъ изъ священниковъ Козмодемьянскаго уѣзда такъ описываетъ свою борьбу съ мужанами своего прихода, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. Онъ постоянно изобличалъ мужановъ въ шарлатанствѣ. Мужаны, говорилъ онъ

своимъ прихожанамъ черемисамъ, только обманываютъ народъ, сами ничего не знаютъ и научить ничему не могутъ. Вѣра въ мужановъ въ приходѣ значительно поколебалась, когда самый закоренѣлый изъ нихъ, вызванный священникомъ на собесѣдованіе объ истинахъ вѣры, открыто сознался при всѣхъ въ своемъ невѣжествѣ и безсиліи. Мужаны послѣ того сговорились испортить священника, который ихъ такъ срамилъ. Они собрались въ одной рощѣ, мимо которой священникъ долженъ былъ проѣзжать для совершенія церковной требы. Всѣ уговорились пустить на него по вѣтру порчу, отъ которой онъ завертѣлся бы и умеръ. Пустили самыя страшныя слова и дожидались, вотъ завертѣть его и онъ умретъ. Но какъ онъ ѣхалъ все далѣе и далѣе, сказали: дома умереть непремѣнно. Когда же священникъ, вопреки ожиданіямъ, остался живъ и здоровъ, всѣ были страшно удивлены и рѣшили, что онъ знаетъ такое крѣпкое слово, предъ которымъ мужаны безсильны. Священникъ не разувѣрялъ ихъ, но примѣнительно къ ихъ пониманію говорилъ, что дѣйствительно знаетъ такое слово, отъ котораго всѣ черемисскіе мужаны перестанутъ ворожить и всѣ ихъ бросять такъ какъ они будутъ никому не страшны, а если его слова не убоятся, то онъ ихъ всѣхъ схоронитъ. Мужанамъ кромѣ того онъ велѣлъ передать, что пріѣхалъ изъ за Волги, гдѣ живетъ самая страшная киреметь, называемая Яуши, и ея не только не боялся, но даже смѣялся надъ нею, а мужановъ ея сдѣлалъ хлѣбосолами ¹⁾). Слова эти произвели должное впечатлѣніе, и мужановъ совсѣмъ перестали бояться, боялись еще киреметей и немного нашлось смѣльчаковъ которые рѣшились принять у себя на дому въ пасхальную недѣлю иконы. Остальные же выжидали, что будетъ съ отступниками. Прошелъ годъ. Принимавшіе у себя иконы были здоровы, дѣла ихъ шли хорошо. Тогда и другіе рѣшили послѣдовать ихъ примѣру. Страхъ предъ киреметями исчезъ совершенно.

Пользуясь удобнымъ случаемъ и подходящими обстоятельствами, опытный пастырь всегда можетъ поколебать языческія вѣрованія въ самомъ ихъ основаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушить народу и правильныя понятія объ истинахъ

¹⁾ Свящ. М. Рождественскій. Бытъ горныхъ черемисъ Козмод. уѣзда. Казан. Еп. Изв. 1873 г., стр. 9—25.

вѣры, необходимо только чтобы онъ говорилъ народу на родномъ и доступномъ для его пониманія языкѣ. При такомъ условіи труды христіанской проповѣди не пропадутъ даромъ. Чуваши и черемисы религіозный народъ. Въ ихъ дѣтской вѣрѣ много непосредственной простоты и трогательной искренности. Посмотрите, напримѣръ, на черемисина, когда, поставивъ свѣчу предъ иконой св. Николая, онъ становится на колѣни и наивно высказываетъ свои просьбы: пожалуйста, Никола, сдѣлай милость!. Его дѣтски простодушной вѣрѣ не достаетъ только знанія, отчего изображеніе на иконѣ онъ можетъ отождествлять съ самимъ святымъ и приносить ему, какъ и киремети, языческую жертву. Но знаніе придетъ вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, проповѣдью на родномъ языкѣ и съ образованіемъ въ христіанской школѣ. И тогда исчезнетъ въ темномъ народѣ дѣтскій страхъ предъ непонятными таинственными явленіями природы, какъ исчезаетъ утренній туманъ и ночная тьма предъ лучами восходящаго солнца. Когда придетъ эта желанная пора, отъ злыхъ киреметей и языческихъ мольбищъ, совершаемыхъ въ честь ихъ, не останется и слѣда.

Списокъ печатныхъ трудовъ, которыми пользовался авторъ.

В. Манитскій. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Казань 1881 г.

Его же. Изъ быта чувашъ Казанской губ. Этнографическое обозрѣніе, кн. XVIII.

Его же. Изъ поѣздки въ село Шуматово, Ядринскаго уѣзда. Извѣстія Казан. Император. Университета, 1882 г., II ч.

А. Рекневъ, свящ. Изъ чувашскихъ преданій и вѣрованій, статьи въ Казан. епарх. извѣст. 1896—98 г.

Фуксъ. Записки о черемисахъ и чувашахъ. Казань 1840.

Сбоевъ. Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань 1856 г.

Риттихъ. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія, т. 2 Казань 1870 г.

В. Вишневскій, протоіерей. Изъ записокъ миссіонера о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ.

В. И. Майновъ. Инородцы средняго поволжья, Живописная Россія т. VIII ч. I изд. М. Вольфъ 1901 г.

Жертвенныя приношенія чувашъ. Казан. губернскаія Вѣдомости 1875 г. № 90.

Заиробная жизнь по представленію чувашъ прежнихъ временъ. Странникъ 1899 г. кн. мартъ.

Смирновъ. Черемисы, Историко-этнографическій очеркъ Казань 1889 г.

Маларовъ. Бесѣды школьнаго учителя къ черемисамъ Кузнецовскаго прихода Казан. епарх. извѣстія 1873 г.

Нурминскій. Очеркъ религиозныхъ вѣрованій черемисъ. Православный собесѣдникъ 1862 г., XI.

Ело же. Инородческіе приходы. Прав. обзор. 1863 г. т. XII.

Яковлевъ, свящ. Религіозные обряды черемисъ. Казань 1887 г.

Н. И. Золотнижскій. Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ. Казань 1877 г.

Н. Остроумовъ. Народныя вѣрованія луговыхъ черемисъ Каз. губ. Казан. епарх. извѣстія 1877 г.

Г. Городской. О черемисахъ проживающихъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губ. замѣтка въ Этнограф., сборникъ кн. VI.

О религіи некрещенныхъ черемисъ Казанской Губерніи. Этнографич. сборникъ. вып. IV спб. 1858 г.

Шестаковъ. Быть черемисъ Уржумскаго уѣзда.

А. А. Петровъ. Замѣтки по этнографіи черемисъ Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи. Извѣстія Оренбург. отдѣла Импер. русс. географ. общества, вып. 6-ой.

П. Вруслановъ. Жертвоприношенія черемисъ Бирскаго уѣзда, Уфимской губ., по случаю неурожая. Извѣстія Оренбург. отдѣла Императ. русс. географ. общества, вып. 4-ый.

М. Васильевъ.

Исцѣленіе отъ мантіи преподобнаго Серафима.

Въ февральской кн. „Душеп. Чт.“ (с. 234—240) свящ. В. Марковъ рассказываетъ слѣдующее.

„9-го ноября 1903 года ко мнѣ, послѣ бесѣды, подошла женщина вся въ слезахъ и просила удѣлить ей немного времени и выслушать рассказъ объ ея исцѣленіи. «Я, говорила она, дала обѣщаніе рассказать и всѣмъ повѣдать о моемъ исцѣленіи и мучаюсь тѣмъ, что до сихъ поръ не исполнила своего обѣщанія».

Исцѣленная оказалась крестьянкой Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, волости и села Титова, Екатериной Андреевой Кряжовой, 43 лѣтъ, грамотной и развитой женщиной. Вотъ ея рассказъ.

«Съ 1886 года я стала чувствовать сильную боль въ нижней части груди и въ верхней части живота. Боль съ каждымъ годомъ усиливалась, а въ 1896 г. явилась опухоль въ лѣвой, верхней части желудка, тутъ же подъ ребрами. Меня положили въ Маріинскую больницу 13 октября. Три недѣли я лежала въ страшномъ бреду и жару и отъ него ли, или отъ сильной болѣзни,—я лежала глухая и съ плохо видящими отъ болѣзни глазами. Черезъ три недѣли опухоль опала, но боль не проходила, лежать мнѣ въ больницѣ вдали отъ семьи, гдѣ я была нужна, становилось слишкомъ тяжело, и я стала проситься у докторовъ домой, гдѣ обѣщала продолжать лѣченіе. Черезъ мѣсяцъ и 8 дней я вышла изъ больницы. Къ намъ ходилъ докторъ до мая мѣсяца: все это время я не могла работать. Съ весны острое состояніе болѣзни кончилось, но боль въ животѣ осталась и оставалась до самаго нынѣшняго года. Всѣ эти годы я должна была быть крайне осторожной въ пищѣ. Лишній кусокъ производилъ тошноту. Постнаго я рѣшительно не могла ѣсть. И это меня очень печалило: какъ это я, православная, а постовъ не соблюдаю. Животъ у меня всегда былъ подвязанъ, работала только черезъ силу и то не всѣ работы, какія нужны бываютъ по дому: я не могла поднимать тяжестей, а когда по необходимости приходилось стирать бѣлье на семью, то стирала сидя. Временами же всегдашняя тупая боль дѣлалась острой, и я становилась рѣшительно ни на что неспособной и должна была лежать. Въ іюлѣ 1903 года изъ газетъ мы узнали, что въ Успенскомъ соборѣ будетъ выставлена мантия пр. Серафима. Я рѣшилась идти и подготовила съ собой сестру. 18-го іюля мы пошли къ вечерни въ соборъ, въ 3 часа, и я мужу сказала, чтобы онъ не ждалъ меня скоро. «Ворочусь тогда, когда приложусь», сказала я. Пошли, конечно, пѣшкомъ. Еще на Тверской я почувствовала, что боль въ животѣ усиливается, и я съ трудомъ дошла до собора. Народу за вечерней было мало. Мы помолились, приложились къ мощамъ и хотѣли остать-

ся въ соборѣ до всенощной, когда будетъ выставлена мантия. Но намъ этого не позволили; должно быть потому, что въ соборѣ надо было все приготовить. Мы пошли къ памятнику (Александра II) и спустились внизъ, гдѣ и отдохнули. Въ 6-мъ часу мы поднялись кверху. Каково же было наше удивленіе! Вся площадь была покрыта народомъ, который все прибывалъ. Полиція суетилась, устанавливая народъ въ очередь; и какъ мы упрекали себя, когда пришлось встать въ очередь,—что мы не дожидались у собора. Очередь медленно подвигалась; къ 8-ми часамъ я съ сестрой подвинулась только до караула дворца. Между тѣмъ, отъ волненія и толкотни, боль моя все усиливалась. Но я утѣшала себя, что все скоро кончится,—я была уже близко отъ собора, а тогда, думаю, пойду домой и тамъ отдохну. Но, видно, надо было мнѣ перенести испытаніе. Новая, громадная волна народа, идущая съ противоположной стороны смаяла народъ, стоявшій въ очереди. Мы были далеко откинута назадъ. Полиція бросилась вновь уставлять очередь, стали протягивать канаты. Въ этой суматохѣ едва ли кому изъ прежнихъ людей, стоявшихъ въ очереди пришлось стать близко отъ собора; а намъ съ сестрой нечего было объ этомъ и думать! Мы стали такъ далеко отъ собора, что очевидно было, что не скоро дойдемъ до него, тѣмъ болѣе, что движеніе народа стало еще медленнѣе. Моя сестра стала волноваться: у нея дома остались малыя дѣти. Въ 11 часовъ ночи она пошла домой, а я, не связанная малыми дѣтьми, рѣшилась, не смотря ни на что, добиться своей цѣли. А боль съ каждымъ часомъ все усиливалась; къ глазамъ словно подкатывалъ какой туманъ, въ сердцѣ и въ головѣ стучало. Было 2 часа ночи, когда и взшла въ соборъ. За 20 человекъ отъ того мѣста, гдѣ возлежала мантия, я черезъ силу сдѣлала земной поклонъ и залилась слезами. Я думала, что и не встану: боль сдѣлалась невыносимою и невѣроятною. Туманъ какъ бы сгустился, и голову, и глаза заволокло. Я не помню, какъ поднялась на ноги, какъ прошла тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли меня отъ мантии, какъ подошла къ иконѣ пр. Серафима и опустилась на колѣни, чтобы поцѣловать мантию; и вдругъ, стоя на колѣняхъ, я почувствовала, какъ этотъ туманъ точно свалился съ меня. Сдѣлалось такъ легко,

будто все перемѣнилось во мнѣ, а боль словно отвалилась, какъ будто ея никогда не было. Что со мной?—подумала я, въ какомъ-то недоумѣніи. Я подошла къ священнику, приняла благословеніе, нѣсколько постояла, подумала и съ тѣмъ же недоумѣніемъ вышла изъ собора. Я боялась вѣрить себѣ, боялась поддаться радости, боялась, что подавшись ей, потеряю ее. Домой я пришла въ 5 час. утра. Домашніе спросили меня, какъ я молилась и приложилась ли къ мантии и какъ себя чувствую послѣ такой усталости. Я боялась прямо сказать имъ о своемъ исцѣленіи. Не вѣрилось. Сказала только: «чтойто, какъ мнѣ легко!» А сама думаю: если и на завтра я буду себя такъ чувствовать, я все расскажу имъ. Весь день мнѣ было легко. И на другой день я чувствовала себя такъ же. Тутъ я все подробно рассказала и дала обѣщаніе: если и черезъ мѣсяць я не буду чувствовать моей боли, я сдѣлаю заявленіе о своемъ исцѣленіи. Что же вы думаете, батюшка! Вотъ прошло три слишкомъ мѣсяца, и я все время никогда не чувствовала себя такъ здоровой. Бывало я не могла ходить съ неподвязаннымъ животомъ, а вотъ съ 18-го іюля я не ношу подвязки. Все работаю, и тяжести поднимаю, и стираю, а боли никакой не чувствую. Когда подошелъ первый Спасъ, я думаю себѣ: теперь я чувствую себя здоровой, попробую-ка я попоститься, какъ прежде постилась. И стала поститься, и никакой тошноты не было. Вотъ какую радость послалъ мнѣ Господь! Такъ прошелъ мѣсяць. Тутъ пошли у насъ житейскія неустройства, никакъ не могли напасть на квартиру. Переѣзжали съ одной квартиры на другую, изъ прихода въ приходъ, да и свободного времени было мало; да и то сказать, не знала—къ кому обратиться. А это мучило меня. На 26-е сентября вижу совѣ. Идетъ навстрѣчу мнѣ не то архимандритъ, не то игуменъ—въ мантии. Подходить ближе,—вижу пр. Серафимъ. Я заплакала, подошла подъ благословеніе, и говорю: пр. отче Серафиме, благослови меня и прости, что до сихъ поръ не исполнила своего обѣщанія. Онъ благословилъ и говоритъ: «и обождать можно». Вотъ только на этой недѣлѣ переѣхали въ вашъ приходъ и устроились на подходящей квартирѣ. Думаю—пойду къ священнику и объявлю о своемъ исцѣленіи, а ужъ онъ навѣрное знаетъ, кому послать мой рассказъ».

Серафимъ Сорокопольскій. Кнѣзю до Серафима. Свѣдѣніе о исцѣленіи отъ

Исцѣленная увѣряла, что она еще въ 1895 г. получила благодатную помощь отъ пр. Серафима. Дѣло было такъ. Ея сестра, та самая, съ которой она ходила въ Успенскій соборъ, должна была разрѣшиться отъ «тяжести». Срокъ давно прошелъ, но роды не подходили. Возили ее и въ родильный пріютъ, и въ Воспитательный домъ, доктора удостовѣряли время родовъ, а самые роды не приходили, и ее отправляли назадъ—домой. Въ послѣднее время она должна была просиживать на стулѣ дни и ночи въ естественномъ положеніи. Кряжова, разумѣется, страшно беспокоилась и волновалась за сестру. 23-го октября она пошла въ Страстной монастырь возложить поясочекъ на мощи пр. Анастасіи съ тѣмъ, чтобы послѣ перепоясать родильницу. Она пошла къ ранней обѣднѣ; къ ея сожалѣнію соборъ былъ запертъ, а служба происходила въ другой церкви, гдѣ въ то время стоялъ рѣзной крестъ. Такъ какъ она спѣшила къ сестрѣ, и ждать поздней обѣдни было долго, Кряжова, по совѣту одной монашенки, возложила свой поясокъ на распятіе, потомъ купила свѣчку, отошла къ лѣвому клиросу, встала на колѣни и залилась слезами, молясь за болящую сестру. Вдругъ она почувствовала, что кто-то полошелъ къ ней; она взглянула черезъ плечо и увидѣла какого-то старца, сторбленнаго, одѣтаго во что то сѣрое, съ котомкой. Старецъ наклонился къ ней и сказалъ, что она получить то, что желаетъ. Она была въ такомъ возбужденіи, что въ первыя минуты не обратила вниманія на странность поведенія старца. Но потомъ ее словно что толкнуло, и у ней явилось непреодолимое желаніе поговорить съ этимъ странникомъ и спросить его—почему онъ ее знаетъ. Она встала съ колѣнъ, оглянулась кругомъ, обошла всю церковь, заглянула во все углы, но странника не было. Это ее поразило. Она вышла изъ церкви, сѣла на лавочку противъ собора, чтобы видѣть всѣхъ входящихъ и выходящихъ изъ монастыря, но странникъ не проходилъ. А она узнала бы его: лицо его врѣзалось въ ея памяти. Такъ, не отыскавъ странника, она пошла домой, къ сестрѣ, находившейся въ томъ же положеніи и страшно мучившейся. Кряжова опоясала священнымъ поясомъ родильницу, и въ ту же ночь Богъ даровалъ благополучные роды; родительница и новорожденный доселѣ здрав-

ствуютъ. Въ нынѣшнемъ году, когда во множествѣ явились для продажи изображенія пр. Серафима, Кряжовой кто-то принесъ такое изображеніе, именно: пр. Серафимъ, идущій съ котомкой за плечами въ свою пустыньку. Изображеніе пр. Серафима поразило ее. Ей показалось, что она видѣла это лицо, что оно ей больше чѣмъ знакомо, оно близко, дорого ея сердцу, и вдругъ, какъ яркій свѣтъ озарилъ ее: она вспомнила дивнаго старца, явившагося ей въ тяжелый день ея жизни. То былъ пр. Серафимъ, чудотворецъ Саровскій.

Свящ. В. Марковъ“.

„Свидѣтельствую, что все, рассказанное батюшкой съ моихъ словъ, есть сушая правда.

Екатерина Кряжова.

1903 г. Декабря 16 дня“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть официальная. Высочайшій Рескриптъ Главному Управленію Россійскаго Общества Краснаго Креста. 225—226. Высочайшія повелѣнія объ устройствѣ кладбищъ, о вырытіи и перенесеніи мертвыхъ тѣлъ. 226—230. Указъ Е. И. В. изъ Казанской Духовной Консистоіи объ исправномъ веденіи метрическихъ книгъ. 230. Указъ Е. И. В. изъ Казанской Духовной Консистоіи объ оплатѣ гербовымъ сборомъ брачныхъ удостовѣреній. 230. Телеграмма Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, о разрѣшеніи епархіальнаго сбора въ пользу Краснаго Креста. 231. Предложеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, Казанской Духовной Консистоіи о принятіи мѣръ по поводу Опрежденія Св. Синода отъ 28 января 1904 г., за № 398. 231—232. Присоединеніе къ Православію. Просвѣщеніе св. крещеніемъ. 232.

Часть неофициальная. Память смертная. Поученіе *Е. Алексія*. 233—236. О киремеляхъ. *М. Васильевъ*. 237—267. Изцѣленіе отъ маітїи преподобнаго Серафима, чудотворца Саровскаго. 267—272.

Редакторъ Доцентъ академіи В. Протопоновъ.

Печатать дозволяется. Казань, 1904 г. 21 Февраля.

Ректоръ академіи Епископъ Алексій.

Типо-литографія Императорскаго Университета.